

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)

ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2023 года
Выходит 4 раза в год

№ 1 (5)
2024

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Редакция

Главный редактор: Б.В. Долгов – д-р истор. наук
Ответственный секретарь: М.М. Вантеевский

Редакционная коллегия:

Б.В. Долгов – д-р ист. наук, ИНИОН РАН, Институт востоковедения РАН;
И.О. Абрамова – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт Африки РАН;
А.К. Аликберов – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН; *Р.И. Беккин* –
д-р экон. наук, Институт Африки РАН, РГПУ им. А.И. Герцена; *А.Г. Володин* –
д-р ист. наук, ИНИОН РАН, Дипломатическая академия МИД России;
А.В. Гордон – д-р ист. наук, заведующий сектором, ИНИОН РАН; *Д.А. Дегтерев* –
д-р полит. наук, канд. экон. наук, РУДН; *А.В. Кузнецов* – д-р экон.
наук, чл.-корр. РАН, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России; *В.А. Мельянцев* –
д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, ИССАА МГУ им. М.В. Ломоносова; *В.С. Мирзеханов* –
д-р ист. наук, ИНИОН РАН, ИВИ РАН; *В.Я. Портяков* – д-р экон.
наук, Институт Китая и современной Азии РАН; *С.В. Прожогина* – д-р
филол. наук, Институт востоковедения РАН; *М.А. Сапронова* – д-р ист. наук,
МГИМО МИД России; *В.Л. Хейфец* – д-р ист. наук, СПбГУ; *Л.А. Черешнева* –
д-р ист. наук, Липецкий пед. гос. университет; *Г.И. Чуфрин* – д-р экон. наук,
академик РАН, ИМЭМО РАН; *П.П. Яковлев* – д-р экон. наук, Институт Латинской
Америки РАН, ИНИОН РАН; *Jan Breman* – Prof., PhD (social sciences),
University of Amsterdam; *Louis Brennan* – PhD (management) University of
Cambridge, Trinity College Dublin; *Zorawar Daulet Singh* – PhD (international
relations) King's College London, Centre for Policy Research, New Delhi.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций,
свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77-82736 от 27.01.2022

DOI: 10.31249/postcolonialism/2024.01.00
ISSN 2949-1711

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

**POSTCOLONIALISM
AND CONTEMPORARY WORLD**

ACADEMIC PUBLICATION

Published since 2023
4 issues per annum

**N 1(5)
2024**

Founder
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences

Editorial

Editor-in-Chief: Boris V. Dolgov – Doctor of Historical Sciences
Executive secretary: Makar M. Vanteevskiy

Editorial Board:

Boris V. Dolgov – Doctor of Historical Sciences, INION RAN, Institute of Oriental Studies RAS; *Irina O. Abramova* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute for African Studies RAS; *Alikber K. Alikberov* – Doctor of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies RAS; *Renat I. Bekkin* – Doctor of Economic Sciences, Institute for African Studies RAS, Herzen University; *Andrey G. Volodin* – Doctor of Historical Sciences, INION RAN, Dilomatic Academy of the MFA of Russia; *Alexander V. Gordon* – Doctor of Historical Sciences, head of the sector, INION RAN; *Denis A. Degtarev* – Doctor of Political Science, PhD in Economics, RUDN University; *Alexey V. Kuznetsov* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, INION RAN, MGIMO MFA of Russia; *Vitaly A. Melyantsev* – Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Institute of Asian and African Studies MSU; *Velikhan S. Mirzeh-khanov* – Doctor of Historical Sciences, INION RAN, Institute of World History RAS; *Vladimir Y. Portyakov* – Doctor of Economic Sciences, Institute of China and Modern Asia RAS; *Svetlana V. Prozhogina* – Doctor of Philology, Institute of Oriental Studies RAS; *Marina A. Sapronova* – Doctor of Historical Sciences, MGIMO MFA of Russia; *Viktor L. Kheifets* – Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg State University; *Larisa A. Chereshneva* – Doctor of Historical Sciences, Lipetsk State Pedagogical University; *Gennady I. Chufrin* – Doctor of Economic Sciences, Academician of RAS, IMEMO RAS; *Pyotr P. Yakovlev* – Doctor of Economic Sciences, Institute of Latin America RAS, INION RAN; *Jan Breman* – Prof., PhD (social sciences), University of Amsterdam; *Louis Brennan* – PhD (management) University of Cambridge, Trinity College Dublin; *Zorawar Daulet Singh* – PhD (international relations) King's College London, Centre for Policy Research, New Delhi.

Journal is registered by the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media, certificate: ПИ №. ФС 77-82736

DOI: 10.31249/postcolonialism/2024.01.00
ISSN 2949-1711

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михель Д.В.</i> Корейская война, массовая мобилизация и патриотическое движение за общественное здоровье в КНР	7
<i>Трунов Ф.О.</i> Факторы колониализма и деколонизации: взаимосвязь с внешней политикой Германии	30
<i>Долгов Б.В.</i> Исламизм в Алжире: эпоха президента Бутефлики	50
<i>Крылов Д.С.</i> Осколки колониализма в неоколониальных державах: арабские диаспоры в ведущих государствах современной Европы	67
<i>Кудаяров К.А.</i> Развитие турецких центров политического анализа	81

CONTENTS

<i>Dmitry V. Mikhel.</i> The Korean War, Mass Mobilization and Patriotic Public Health Movement in China	7
<i>Philipp O. Trunov.</i> The Phenomena of Colonialism and Decolonization: Connection with Germany's Foreign Policy	30
<i>Boris V. Dolgov.</i> Islamism in Algeria: Epoch of President Bouteflika	50
<i>Danila S. Krylov.</i> Shards of Colonialism in Neo-Colonial Powers: Arab Diasporas in Leading States of Modern Europe	67
<i>Kanybek A. Kudayarov.</i> Development of Turkish Centers for Political Analysis	81

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА, МАССОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ ЗА ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗДОРОВЬЕ В КНР

Дмитрий Викторович МИХЕЛЬ

доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
Отдела Азии и Африки

Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, Нахимовский проспект, 51/21, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2250-1626

Статья поступила в редакцию 23.04.2024

Аннотация. В статье обсуждается вопрос о влиянии антиимпериалистической риторики, возобладавшей в Китае в годы Корейской войны, на становление китайского народного здравоохранения. После того, как в феврале 1952 г. китайские власти заявили о том, что американские войска используют против корейского и китайского населения бактериологическое оружие, в Китае началась массовая мобилизация гражданского населения на борьбу со смертоносными «американскими микробами». Ближайшим следствием этой мобилизации стало зарождение Патриотического движения за общественное здоровье. Распространение патриотических настроений в обществе способствовало быстрому улучшению санитарного состояния китайских городов и деревень и распространению новых гигиенических привычек среди населения. Одновременно с этим новый импульс получила работа по модернизации здравоохранения, которая осуществлялась коммунистическими властями КНР с первых месяцев существования нового государства. Итогом этой работы стало появление в Китае массового профилактического здравоохранения, а также небывалого прежде уровня социальной сплоченности и энтузиазма, необходимых для решения стоящих перед страной исторических задач.

Ключевые слова: Корейская война, КНР, бактериологическое оружие, мобилизация масс, Патриотическое движение за общественное здоровье.

THE KOREAN WAR, MASS MOBILIZATION AND PATRIOTIC PUBLIC HEALTH MOVEMENT IN CHINA

Dmitry V. MIKHEL

Doctor of Philosophical Sciences, Leading Researcher

Department of Asia and Africa

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

117418, Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2250-1626

Received 23.04.2024

Abstract. This article is discussed the impact of the anti-imperialist rhetoric that prevailed in China during the Korean War on the development of Chinese public health care. After Chinese authorities announced in February 1952 that U.S. troops were using bacteriological weapons against the Korean and Chinese populations, China began a massive mobilization of civilians to fight the deadly “American germs”. The immediate consequence of this mobilization was the birth of the Patriotic Public Health Movement. The spread of patriotic sentiment in society contributed to the rapid improvement of sanitary conditions in Chinese cities and villages and the spread of new hygienic habits among the population. At the same time, the modernization of health care, which had been carried out by the Communist authorities of the People’s Republic of China since the first months of the new state’s existence, received a new impetus. This work resulted in the emergence of mass preventive health care in China, as well as an unprecedented level of social cohesion and enthusiasm to meet the historic challenges facing the country.

Keywords: Korean War, PRC, bacteriological weapons, mass mobilization, Patriotic Public Health Movement.

В феврале 1953 г. вышел в свет очередной выпуск «Китайского медицинского журнала», который открывало обращение председателя Китайской медицинской ассоциации доктора Фу Лин-Чана к врачам, участвующим в Азиатско-Тихоокеанской конференции в защиту мира. В нем доктор Фу информировал уважаемую аудиторию об основных достижениях китайского здравоохранения за первые три года существования народной республики. В част-

ности, им отмечалось, что за весьма короткий срок в КНР были достигнуты большие успехи в профилактике инфекционных болезней – на 90% снизился уровень распространения оспы, почти полностью прекратились вспышки чумы, существенно уменьшилась заболеваемость малярией, кала-азаром и шистосомозом, – а также в сфере охраны материнского и младенческого здоровья, здоровья промышленных рабочих и национальных меньшинств. Большие успехи были достигнуты в сфере медицинского образования, в подготовке врачей, медицинских сестер и фармацевтов. Однако наибольшее внимание в докладе председателя Китайской медицинской ассоциации было уделено еще одному достижению китайского народного здравоохранения – Патриотическому движению за общественное здоровье (*Aiguo weisheng yundong*). В частности, Фу указывал, что «начатая американскими империалистами бактериологическая война побудила китайский народ развернуть общенациональное патриотическое оздоровительное движение, которое не только разрушило злонамеренные планы правительства США, но также позволило нам продвинуться еще на один шаг вперед в нашей кампании по охране здоровья. Изменился вид наших городов и деревень. Люди в большинстве своем стали демонстрировать сознательность в сфере здравоохранения и у них выработались полезные гигиенические привычки. Как следствие, серьезно сократилась смертность» [*Fu Lien Chang*, 1953 а, р. 4].

Характеризуя основные достижения Патриотического движения, Фу свидетельствовал, что с весны 1952 по январь 1953 г. в рамках общенациональных кампаний было уничтожено 44,9 млн крыс, собрано более 2 млн бочек мух, комаров, блох, москитов, личинок, вшей и «других вредных членистоногих по весу», а также свыше 19 млрд голов «насекомых без взвешивания». Наряду с этим было собрано более 15 млн тонн мусора, отремонтировано 25 тыс. км труб канализации, засыпано 13 млн кв. км канав и прудов со стоячей водой и еще 90 тыс. ям. Кроме того, было построено и отремонтировано 1,5 млн общественных туалетов [*Fu Lien Chang*, 1953 а, р. 4–5]. В июньском номере того же журнала вышла еще одна статья за авторством Фу Лин-Чана, в которой он еще раз вернулся к Патриотическому движению за общественное здоровье. В частности, в ней отмечалось, что оно «не только разгромило американских империалистов, затеявших бактериологи-

ческую войну, но и позволило нам продвинуться еще на один шаг вперед в нашей кампании по охране здоровья. Мы добились успехов в решении задач широкой пропаганды здорового образа жизни, обучении медицинских работников, профилактике эпидемий и оказании помощи правительству в технических вопросах» [Fu Lien Chang, 1953 с. р. 233].

Настойчиво обращая внимание на связь между войной в Корее (1950–1953) и появлением массового движения за общественное здоровье, один из официальных лидеров китайского здравоохранения тем самым подчеркивал, что именно война стала той движущей силой, которая помогла сдвинуть с места массу накопившихся проблем в сфере общественного здоровья. Иначе говоря, это был именно тот шанс, которым правительство смогло воспользоваться, чтобы придать своей деятельности новую динамику и новый масштаб. Если признать, что всякая война является не только бедствием, но и шансом выйти на новый уровень развития, то для КНР в 1950-е годы война в Корее и стала именно таким шансом. В предлагаемой ниже статье будет рассмотрен вопрос о том, как Корейская война изменила китайское здравоохранение.

Корейская война и бактериологическое оружие

«Начатая американскими империалистами бактериологическая война», о которой упомянул Фу Лин-Чан, в настоящее время остается предметом продолжающихся дискуссий. Именно относительно этого эпизода Корейской войны (1950–1953) среди экспертов до сих пор нет однозначного мнения. Между тем общая картина истории военных действий на Корейском полуострове хорошо известна [Лотоцкий, 2000; Торкунов, 2000; Орлов, Гаврилов, 2003; Попов, Лавренев, Богданов, 2005]. 25 июня 1950 г., перейдя 38-ю параллель, войска Северной Кореи вторглись на территорию Южной Кореи. После непродолжительных успехов северокорейцев их наступление было остановлено, и уже к концу сентября объединенные силы южнокорейской армии и войск ООН во главе с США смогли нанести северокорейцам ряд тяжелых поражений. К началу октября южнокорейцы при поддержке американцев вошли в Пхеньян и приступили к оккупации Северной Кореи. В этих условиях уже в октябре КНР и СССР были вынуждены под-

держать своего северокорейского союзника. В результате этого характер войны вновь изменился, и уже в самом начале 1951 г. северокорейские части и китайские добровольцы вошли в Сеул. Однако американцам вновь удалось выправить ситуацию, и в течение весны и лета 1951 г. оттеснить силы северной коалиции назад, к 38-й параллели. После этого ситуация на фронте частично стабилизировалась, и вся война опять приобрела новый характер. Соперничающие стороны перешли к стратегии удушения друг друга. Именно к этому, последнему периоду войны и относятся все сообщения о применении американцами бактериологического оружия.

Основные обвинения в адрес американцев были озвучены главным образом в первой половине 1952 г. В частности, 22 февраля 1952 г. министр иностранных дел КНДР Пак Хон Ён (1900–1955) сделал официальное заявление в Секретариат ООН о том, что американцы во время авиационных налетов используют против Кореи бактериологическое оружие – специальные бомбы или контейнеры, содержащие в себе мелких грызунов и насекомых, инфицированных чумой, сибирской язвой, холерой и энцефалитом. В ответ на это 4 марта Государственный секретарь США Дин Ачесон (1893–1971) выступил с опровержением этого заявления¹. 8 марта с обвинением в адрес США от имени КНР выступил министр иностранных дел Чжоу Эньлай (1898–1976). Его заявление, как и целый ряд других заявлений правительства КНР о фактах применения бактериологического оружия, было опубликовано в «Жэньминь Жибао». 13 марта правительство КНР проинформировало об использовании американцами бактериологического оружия посла Индии [Report ..., 1952, p. 4; Buchanan, 2001, p. 504; Shiwei Chen, 2009, p. 217–218].

Уже в марте стало ясно, что американским официальным лицам и поддерживающим их западным политикам отмахнуться от обвинений со стороны КНДР и КНР и поддерживающего их СССР не удастся. 5 марта в адрес Всемирного совета мира с просьбой

¹ Наряду с Дином Ачесоном с заявлением, отрицающим использование войсками США бактериологического оружия, выступил командующий силами ООН в Корее генерал Мэтью Риджуай (1895–1993). Он сделал это в своем обращении к Конгрессу США 22 мая 1952 г. Тогда же с аналогичным заявлением выступил и Генеральный секретарь ООН Трюгве Хальвдан Ли (1896–1968) [Moon, 1992, p. 58].

проводить расследование фактов применения американцами бактериологического оружия на территории КНДР и КНР обратился президент Академии наук КНР и председатель Китайского комитета мира Го Можо (1892–1978). 29 марта представители Китайского совета мира во главе с Го Можо прибыли в Осло на заседание исполнительного комитета Всемирного совета мира, где проинформировали своих иностранных коллег о случаях применения войсками США на территории КНДР и КНР бактериологического оружия [Report … , 1952, p. 4; *Shiwei Chen*, 2009, p. 222]. Поскольку заявления китайской делегации в Осло вызвали сомнения у части членов Исполнительного комитета, 2 апреля президент Всемирного совета мира французский физик Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958)¹ для объективного изучения данного вопроса принял решение о создании Международной научной комиссии по расследованию фактов, касающихся биологической войны в Корее и Китае. В состав комиссии вошло шесть видных ученых, специализирующихся в области микробиологии, паразитологии, медицинской энтомологии, анатомии и физиологии – Андреа Андрин (Швеция), Жан Мальтаре (Франция), Джозеф Нидэм (Великобритания), Оливейро Оливо (Италия), Самуэль Пессоа (Бразилия), Николай Жуков-Вережников (СССР). Члены комиссии прибыли в Пекин по частям, 21 и 28 июня, и находились в Китае до конца августа. 6 августа к ним присоединился итальянский микробиолог Франко Грациози. К иностранным членам комиссии в Китае присоединились также 11 китайских ученых, представляющих различные медико-биологические учреждения КНР. Председателем комиссии был избран Нидэм, а секретарем – Мальтаре [Report … , 1952, p. 5–7].

В ходе своей работы члены Международной комиссии посетили три города: Пекин – с 23 июня по 9 июля, Шэньян (Мукден) – с 12 по 25 июля, Пхеньян – с 28 по 31 июля. Кроме того, они посетили целый ряд деревень северо-восточного Китая, о которых было известно, что они подверглись бомбардировке с использованием бактериологического оружия. В ходе своей работы комиссия активно взаимодействовала с Министерствами здравоохранения

¹ Фредерик Жоли-Кюри стал первым президентом Всемирного совета мира. Он был избран на этот пост 20 апреля 1950 г.

КНР и КНДР, представителями научных учреждений обеих стран. В первых числах августа члены комиссии имели возможность общаться с пленными американскими летчиками. Большую часть времени ученые провели в китайских лабораториях, где им показывали различные биологические материалы, собранные с мест американских бомбардировок. Кроме того, в распоряжение комиссии было предоставлено несколько отчетов, подготовленных корейскими и китайскими специалистами [Report … , 1952, р. 8–12]. По итогам работы комиссия подготовила подробный отчет.

В рамках данной статьи не ставится задачи подробного анализа материалов собранных комиссией, а также обсуждения самого вопроса о бактериологической войне на территории КНДР и северо-восточного Китая в 1952 г. Прекрасный пример такого анализа недавно представил военный микробиолог и историк микробиологии М.В. Супотницкий, сфокусировавший свое внимание на технических деталях, которые обычно выпадают из поля зрения менее подготовленных исследователей [Супотницкий, 2020]. Однако здесь полезно отметить, что выводы, подобные тем, которые представил М.В. Супотницкий, неизменно находили возражения со стороны американских специалистов, как военных, так и гражданских. Так, Милтон Лейтенберг из Центра международных исследований и исследований безопасности в Мэриленде вообще считает все советские, китайские и корейские обвинения в адрес США фальшивкой [Leitenberg, 2000]. Другие же американские авторы пытаются быть более объективными, признавая, что некоторые основания для таких обвинений были поданы самими США, которые к началу 1950-х годов уже имели весьма подмоченную репутацию – они использовали атомное оружие против Японии, отказались ратифицировать Женевскую конвенцию, дали политическое убежище японским военным преступникам, разрабатывавшим собственное биологическое оружие в годы Второй мировой войны, и т.п. [Cowdrey, 1984; Moon, 1992]. Лишь очень немногие отмечают, что имеющиеся официальные источники американской информации не позволяют в полной мере разобраться в этом вопросе. Например, Томас Пауэлл замечает: «После войны во Вьетнаме большинство американцев стали с большим скептицизмом относиться к заявлениям правительства; произошла общая потеря веры в честность и надежность политиков, правительственных на-

значенцев и профессиональных авторитетов; попытки инсайдеров очернить прошлое заслуживают недоверия и презрения» [Powell, 2017, р. 42]. Отметим также, что некоторые американские специалисты видят четкую связь между обвинениями в адрес США в годы Корейской войны и обвинениями в их же адрес, прозвучавшими со стороны российских военных специалистов в период вооруженного конфликта на Украине [Crane, 2022]. В целом, существует довольно много противников той точки зрения, что США применили во время Корейской войны бактериологическое оружие. Однако даже самая элементарная логика подсказывает, что такие эксперты несвободны в своих суждениях и стоят на защите вполне конкретных американских интересов.

Профилактика чумы в уезде Ганьнань

Во время пребывания Международной научной комиссии в Китае ее участники получили возможность посетить несколько деревень в уезде Ганьнань провинции Хэйлунцзян. Эта поездка была краткосрочной и заняла всего два дня – 15 и 16 июля 1952 г. Тем не менее этому случаю в отчете комиссии было уделено особое внимание. Поездка членов комиссии во главе Нидэмом в Ганьнань была связана с изучением так называемого «чумного инцидента» [Report …, 1952, р. 29–31].

Согласно информации, собранной комиссией в этом уезде от местных жителей, представителей местной партийной администрации и работников санитарно-эпидемиологических служб, в ночь с 4 на 5 апреля на территории четырех соседних деревень были сброшены некие контейнеры, содержавшие в себе большое число полевых мышей, зараженных чумой. Судя по звуку, который слышали жители,бросо произошел с американского ночного двухфюзеляжного бомбардировщика F-82. Из сообщений крестьян стало известно, что, проснувшись утром, они обнаружили в своих домах, на циновках, множество умирающих мышей. Будучи хорошо осведомленными о том, как вести себя в таких случаях, крестьяне быстро покинули свои дома и подожгли солому, расстеленную на земляных полах. Кроме того, к обеду того же дня они убили всех своих собак и кошек и сожгли их трупы. Члены комиссии, опросив население и местных специалистов, пришли к выводу, что только

своевременные профилактические меры позволили жителям Ганьнаня избежать заражения и спастиесь. При этом в докладе комиссии было отмечено, что никаких оснований для того чтобы связать появление большого количества зараженных чумой полевок в этих деревнях с какой-либо чумной эпизоотией не было: данная местность не является эндемичной и, кроме того, сезон, когда в северо-восточном Китае среди мышей случается чума, еще не настал. Что же касается сброшенных с самолета контейнеров, то их останки найти не удалось. Однако комиссию это нисколько не смущило, поскольку из японской научной периодики того времени было известно, что контейнеры для доставки бактериологического оружия изготавливаются из бумаги и сгорают при падении на землю [Report … , 1952, p. 29–31].

Когда Нидэм и другие члены комиссии прибыли в Ганьнань, они увидели, что местными жителями повсеместно была проведена огромная работа по очистке местности от грызунов, мух, собак и других переносчиков инфекции. Нидэм отмечал в докладе: «Комиссия была крайне впечатлена гигиеническими условиями жизни китайского народа и теми мерами, что были приняты для повышения уровня гигиены и борьбы с эпидемическими болезнями. На Западе широко распространены представления, что китайцы живут в неудовлетворительных гигиенических условиях, но даже поверхностное знакомство с этими ныне преобладающими условиями и с энтузиазмом, демонстрируемым китайским населением, выполняющим указания своего правительства, достаточно, чтобы развеять их» [Report … , 1952, p. 53].

Скупые строки отчета, составленного Нидэром, оставляют за кадром те события, которые реально развернулись в Ганьнане. Несложно представить, что, получив указания от местных органов власти начать борьбу с «американскими микробами», крестьяне бросились прочесывать дома и амбары, уборные и кладовые, мельницы и пруды в поисках вредителей. Все подвергалось дезинфекции. Старые циновки и постельные принадлежности сжигались. Всех, кто хоть малейшим образом мог соприкасаться с источниками заражения, правительственный санитарный персонал обливал пятипроцентным раствором ДДТ. В течение нескольких дней или даже недель, оставив почти все остальные дела, жители

деревень уезда занимались уничтожением мух, комаров, клопов, крыс, мышей и других распространителей заразы.

Побывав в Ганьнане, Нидэм остался под сильным впечатлением от того, что увидел. По его словам, профилактические меры против чумы и борьба за гигиену в Китае не ограничились только Пекином и другими «образцовыми городами». «Связанные с нами информаторы утверждали, что это движение достигло самых удаленных уголков субконтинента» [Report … , 1952, p. 53]. Комментируя заметки Нидэма о визите в Ганьнань, современный американский историк Рут Рогаски констатирует, что довольный увиденным в Ганьнане «Нидэм присоединился к партийным чиновникам, провозгласив Ганьнань образцом для национальной патриотической гигиены. Некогда жертва бактериологической войны Ганьнань стал свободным от чумы символом Нового Китая» [Rogaski, 2002, p. 382].

Западные исследователи отмечают, что во время своей поездки в Китай Нидэм был очень благодушно настроен по отношению к китайским властям и, возможно, сознательно закрывал глаза на те факты, которые шли вразрез с официальной китайской интерпретацией причин распространения инфекции. В частности, отмечается, что Нидэм хотел сохранить хорошие отношения с китайскими властями, чтобы иметь возможность продолжить свои собственные исследования в КНР в области истории науки. Иначе говоря, он принял сторону китайского правительства в вопросе, который был очень чувствителен для США и их союзника Великобритании. Британскому ученому даже пришлось рисковать своей репутацией, поддержав тезис правительства КНР о развязанной против Китая и КНДР бактериологической войне. В самом деле, как только Нидэм прибыл в Китай, в Лондоне против него была начата настоящая травля, которая привела к тому, что на протяжении многих лет в самой Великобритании ему чинились препятствия для занятий наукой [Buchanan, 2001, p. 509–520; Shiwei Chen, 2009, p. 237–243].

Мобилизация масс

Когда члены Международной научной комиссии прибыли в Китай, чтобы расследовать вопрос о применении против КНР и

КНДР бактериологического оружия, то по соображениям безопасности большую часть времени они провели в КНР, ограничившись всего лишь четырехдневной поездкой в Северную Корею. То, что Нидэм и его коллеги увидели в Китае, действительно их весьма впечатлило. Вся страна находилась в бурном движении. Города и деревни, в которых побывала комиссия, выглядели весьма чистыми и ухоженными. Это был совершенно не тот Китай, который знали на Западе в прежние годы.

Когда коммунистическая партия получила власть над всем материковым Китаем в 1949 г., страна находилась в совершенной разрухе, вызванной многолетней войной и проблемами в экономике. После вытеснения остатков войск Гоминьдана на Тайвань и провозглашения Китайской Народной Республики все силы партии и нового коммунистического правительства были брошены на восстановление страны. В отличие от своих предшественников-националистов, китайские коммунисты с первого дня своего пребывания у власти приняли решение опираться на поддержку народных масс. Новая народная власть была создана для народа и предполагала участие народа в управлении государством.

Одной из первых задач, ставших перед новой китайской властью, было восстановление разоренной страны и наведение порядка и чистоты в городах. В 1950 г. муниципальные власти Пекина во главе с секретарем пекинского городского комитета КПК и председателем Народного политического консультативного совета Пекина (эта должность аналогична должности мэра города) Пэн Чжэнем (1902–1997) начали городскую кампанию по уборке города от мусора и помоек и избавлению облика столицы от трущоб. Самой грязной трущобой Пекина был район Лунсюйгоу с его грязной водой и неработающей канализацией. В Лунсюйгоу процветали нищета и болезни, его населяли бедняки, фабричные рабочие, рикши. Несмотря на дефицит средств в городском бюджете, Пэн Чжэн принял решение благоустроить этот грязный район и город в целом. С мая по ноябрь 1950 г. в Лунсюйгоу были засыпаны все канавы и мелкие водоемы, проложены трубы новой канализационной сети, а также построены новые дома и широкие улицы. Нижняя часть старых тростниковых прудов превратилась в городской парк с озером Лонгтан. В ходе благоустройства Лунсюйгоу тысячи людей нашли себе работу и почувствовали свою значи-

мость и полезность для общества. Наблюдавший за этими событиями писатель Ло Шэ (1899–1966) отразил эти события в пьесе «Лунсюйгоу» (1950), сфокусировав внимание на положительных изменениях в национальном характере простых китайцев, когда вместо того чтобы замкнуться в своих личных делах, они начинают жить общественными интересами [Ло Шэ, 1954]. Председатель Китайской медицинской ассоциации Фу Лин-Чан также высоко оценил результаты кампании по благоустройству Пекина. Меры по улучшению водоснабжения и канализации, принятые в китайской столице, привели к тому, что с апреля по июнь 1952 г. число смертей от кишечно-инфекционных заболеваний там снизилось на 35% по сравнению с аналогичным периодом 1950 г., когда кампания по очистки города еще только началась [Fu Lien Chang, 1953 а, р. 5].

Кампании по благоустройству Пекина продолжались и в дальнейшем. В новостях «Китайского медицинского журнала» за 1959 г. сообщалось, что в Пекине вновь стартовала ежегодная санитарная кампания по уничтожению мух и комаров. «На три дня более миллиона жителей столицы – рабочие, служащие правительства, учащиеся, лавочники, военнослужащие вышли на истребление этих вредных насекомых». Во главе их выступили ученые из Китайской академии медицинских наук. Пруды были очищены, а ямы со зловонной водой засыпаны. Все газоны в городских парках были подвергнуты окуриванию и опрыснуты раствором с инсектицидами. С инспекцией по всем местам, где проводились санитарные мероприятия, прошла лично министр здравоохранения Ли Дэцюань (1896–1972). До 1949 г. Пекин был городом, погребенным под мусором. В некоторых случаях горы мусора возносились на пять метров. Теперь все мусорные кучи были убраны. Система канализации в Пекине была исправлена, а ее протяженность увеличилась в 30 раз по сравнению с 1949 г. Были проведены масштабные работы по углублению дна в реках и озерах китайской столицы. Если бы собрать весь вынутый оттуда грунт и насыпать из него дорогу шириной 1 м и высотой 7 м, то она бы протянулась от Пекина до Кантон, т.е. на 2300 км [Mammoth …, 1957].

Историк Липин Бу, изучающая феномен китайского здравоохранения, отмечает, что первые годы существования КНР стали временем больших достижений в области гигиены, санитарии и

городского благоустройства. Наряду с Пекином большие перемены наблюдались в Шанхае. Самым грязным местом Шанхая оставался Чжаоцзябан – «город речных лачуг», в котором ютилось не менее восьми тысяч человек. Маршал Чэн И (1901–1972), возглавивший партийную организацию Шанхая после изгнания Гоминьдана, взялся за благоустройство города. Мобилизовав силы партийной организации города и местное население, Чэн И в короткий срок добился того, что вся территория города была очищена от мусора, а район вдоль улицы Чжаоцзябан с ее грязными канавами был превращен в просторный проспект с автомагистралями и аллеями [Bu, 2017, p. 229].

Приведенные выше примеры позволяют признать, что чистота и образцовый порядок, которые члены Международной комиссии во главе с Нидэном обнаружили в городах и деревнях Китая летом 1952 г., были результатом огромных усилий, принятых КПК и правительством КНР. Однако первые кампании по благоустройству территорий и улучшению санитарно-гигиенических условий все еще не подкреплялись достаточным количеством ресурсов. Главной движущей силой происходящих перемен был прежде всего энтузиазм народных масс. Несложно предположить, что подпитка такого энтузиазма новыми источниками эмоциональной энергии требовала серьезных усилий со стороны партийно-государственного руководства, а также особого управленческого таланта.

Понять, как КПК удавалось мобилизовать творческую энергию масс в 1952 г., позволяет исследование Няньцюнь Яна [*Nianqun Yang*, 2004]. По его мнению, когда в феврале 1952 г. среди высшего руководства ЦК КПК впервые зародилось подозрение, что американцы применяют на территории КНДР и соседних с ней регионов северо-восточного Китая бактериологическое оружие, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай быстро пришли к согласию в том, что США развязали против двух братских народов бактериологическую войну. Поэтому сразу же было решено информировать об этом международное сообщество с целью добиться осуждения США. Кроме того, было решено принять необходимые меры по защите собственной территории и населения. Уже с марта 1952 г. «Жэньминь Жибао» начала публикации об американских бомбардировках, в ходе которых на Китай сбрасывались контейнеры с возбудителями

опасных инфекций. Однако используемый в официальных публикациях термин «бактериологическая война» для подавляющего большинства населения был непонятен. Для того чтобы сделать этот термин понятным, в газетных публикациях сообщалось, что речь идет еще об одном виде войны, где вместо американских бомб и снарядов на Китай падают смертоносные «американские микробы». Поэтому от народа требуется то же, что и от армии на поле сражения – уничтожать опасного врага.

Няньцюнь Ян справедливо отмечает, что многие горожане, не говоря уже о сельских жителях, не могли понять, чем для них опасны насекомые, которых они каждый день видят вокруг себя. Чтобы пояснить, в чем опасность инфицированных насекомых, оказывающихся рядом с людьми, авторы публикаций с самого начала стали связывать появление этих насекомых с вспышками той или иной инфекции в конкретной местности. Вслед за этими первыми газетными сообщениями о бактериологических бомбардировках и эпидемиях в газетах стали появляться все более многочисленные свидетельства очевидцев с мест, признания пленных американских летчиков и сведения о заразившихся – жертвах бактериологической войны. К маю месяцу число публикаций о бактериологической войне возросло настолько, что население КНР постепенно приучилось к мысли, что бактериологическая война уже пришла в их страну и захватывает все новые территории. Поскольку официальная информация лучше распространяется в городах, то первыми угрозу бактериологической опасности осознали горожане. Уже в мае были отмечены первые случаи паники из-за опасности заражения, а слухи о заражении той или иной местности тесно переплетались с убежденностью в крайней опасности происходящего. Фактически, уже к лету 1952 г. вся страна погрузилась в атмосферу крайнего эмоционального возбуждения, которое, однако, плохо контролировалось правительством. Именно поэтому, в то время как одна часть населения под руководством санитарного персонала занималась истреблением мух, комаров, клопов и крыс, другая обращалась за помощью к народным целителям и скупала вино с реальгаром, надеясь на его чудодейственные свойства [Nianqun Yang, 2004, p. 165].

Няньцюнь Ян приходит к выводу, что на протяжении первой половины 1952 г. характер публикаций в СМИ постепенно менялся.

Сначала газеты приучили китайское население к тому, что бактериологическая война как таковая существует, а потом они приучили его к тому, что бактериологическая угроза подстерегает каждого гражданина страны. Кроме того, если первоначально газеты убеждали граждан в том, что существует различие между естественными эпидемиями и эпидемиями, вызванными использованием бактериологического оружия, то уже к середине года газеты перестали проводить такие различия. Фактически, от общества требовалось одинаковым образом реагировать на любую инфекцию, каким бы ни было ее происхождение. Няньцюнь Ян отмечает, что именно в этот момент произошли изменения в стратегиях мобилизации масс, применяемых партией и правительством, и начался переход от поощрения населения к борьбе с «американскими микробами» к мобилизации граждан на борьбу за общественное здоровье, здоровый образ жизни и гигиену [Nianqun Yang, 2004, p. 167].

В пользу того, что китайское руководство не сразу смогло приручить эмоциональную энергию масс, говорит и тот факт, что и само руководство страны рассматривало бактериологическую войну лишь как составную часть военного противостояния с США на Корейском театре военных действий. Когда в марте 1952 г. американские самолеты стали вторгаться в воздушное пространство КНР, китайские власти стали рассматривать возможность разделения страны на четыре «профилактические зоны» – в зависимости от их близости к Корейскому фронту. С этой точки зрения, перед каждым регионом страны ставились свои собственные задачи в плане отражения бактериологической опасности и защиты населения. Но уже в марте 1952 г. Мао Цзэдун впервые задумался о том, чтобы взглянуть на всю ситуацию иначе, и это позволило ему самому выйти за пределы «военной парадигмы». Постепенно у лидера страны стало складываться понимание, что военное районирование страны на случай бактериологической опасности лишено смысла, и необходимо перевести всю страну в режим полной каждодневной мобилизации и тем самым – в режим постоянной заботы о собственном здоровье. Таковы были исходные основания к новой логике мобилизации масс и начала зарождающегося массового движения за общественное здоровье. Уже 15 апреля 1952 г. ЦК КПК выступило с заявлением, в котором была провозгла-

шена новая цель для всего общества – не столько борьба с «американскими микробами» и вообще с любыми микробами, сколько улучшение состояния общественного здоровья и всего народного здравоохранения [Nianqun Yang, 2004, р. 170].

Новое народное здравоохранение

Рут Рогаски одной из первых обратила внимание на связь между риторикой бактериологической опасности в годы Корейской войны и процессом модернизации здравоохранения в народном Китае. При этом в традиционной для многих американских авторов манере она сфокусировалась на злоупотреблениях и манипуляциях в политике китайского политического руководства в первые годы существования КНР. Рогаски также постаралась показать, что на протяжении более полувека – со времен поздней Цинской империи и до образования КНР – китайские власти придерживались курса на модернизацию, но смогли решить эту задачу – сделать Китай современным, – только осмелившись объявить тотальную войну окружающей природе. Согласно Рогаски, призвав население заняться уничтожением крыс, мышей, насекомых и переносимых ими микробов, коммунистическая партия смогла одновременно убить двух зайцев – выработать у населения ненависть к политическим врагам – американцам, а также полностью преобразовать традиционную связь народа со средой обитания [Rogaski, 2002, р. 409–410]. В своей более поздней работе она назвала ту модель современности, которую удалось создать в Китае, «гигиенической современностью» [Rogaski, 2004].

Если оставить за скобками характерный для Рогаски и других американских историков тезис о невиновности американцев в использовании против Китая оружия массового поражения, то в остальном ее наблюдения необходимо признать весьма ценными. Усилить их значимость позволяют выводы, сделанные китайским историком Ка-че Ипом, являющимся одним из главных специалистов по истории здравоохранения Китая в период правления Гоминьдана. Согласно Ка-че Ипу, прия к власти в 1949 г. и заявившись созданием системы здравоохранения, китайские коммунисты многое заимствовали у своих националистических предшественников, и прежде всего созданную при Гоминьдане сеть

научных медицинских учреждений. Однако было и существенное нововведение, отличавшее подход КПК к вопросам общественного здоровья от националистического правительства Чан Кайши (1887–1975). Крайне ограниченное в ресурсах коммунистическое правительство КНР не могло позволить себе дорогостоящую систему здравоохранения с приоритетом на лечебной работе, поэтому оно сделало выбор в пользу дешевой профилактической модели, применявшейся в СССР в 1920-е годы. В отличие от националистов, КПК с самого начала делала акцент на массовость здравоохранительной практики. В условиях крайней нехватки врачей и медицинских работников КПК решилась на неординарный ход – вовлечь народные массы в охрану собственного здоровья, сделав тем самым китайское здравоохранение по-настоящему народным. Ка-че Ип указывает, что этот неординарный ход был продиктован неординарными обстоятельствами – распространением информации об использовании американцами бактериологического оружия. По его словам, коммунистам удалось вовлечь массы в решение конкретных вопросов здравоохранения, организовав Патриотическое движение за общественное здоровье [Yip, 1995, p. 187].

Липин Бу, которая в своих исследованиях по истории здравоохранения в Китае во многом придерживается точки зрения Ка-че Ипа, указывает, что поворот к профилактическому здравоохранению в первые годы существования КНР был очень медленным. Как медицинские работники, так и подавляющее большинство населения связывали практику здравоохранения прежде всего с лечебной работой и не сознавали ценности профилактики. Когда в сентябре 1951 г. Мао Цзэдун ознакомился с отчетом Министерства здравоохранения о развитии в КНР профилактической работы, он выразил крайнее неудовольствие и потребовал, чтобы профилактической работе был придан политический смысл. Партийным комитетам было дано указание воспитывать медицинские кадры, ориентированные на приоритет профилактики, и энергично пропагандировать в народные массы идею о ценности предупреждения болезней. Мао требовал, чтобы партийные и медицинские кадры пришли к осознанию, что человеческие потери и потери среди сельскохозяйственного скота невосполнимы, и против угрозы массовых заболеваний надо бороться так же, как против наводнений, засух и прочих стихийных бедствий [Bu, 2017, p. 226].

По словам Липин Бу, «Корейская война оказала неожиданное влияние на формирование национальной политики Китая в области здравоохранения, 1952 год стал переломным моментом... когда в условиях предполагаемой американской бактериологической войны против Китая в ходе Корейской войны здравоохранение стало неотложным вопросом национальной безопасности... Угроза американской бактериологической войны побудила китайских лидеров воспользоваться кризисом и превратить его в прекрасную возможность сплотить людей для поддержки Патриотического движения за общественное здоровье, которое объединяло бы защиту здоровья людей с защитой нации» [Bu, 2017, p. 224].

В самом деле, события китайской истории свидетельствуют о том, что коммунистическое правительство КНР с самого начала стремилось творчески подходить к вопросам организации здравоохранения, издавая законы и правительственные директивы, регулирующие эту сферу деятельности. По сведениям Тао-тай Ся, с 1949 по 1964 г. в КНР было принято 54 закона о здравоохранении [*Tao-tai Hsia*, 1973, p. 115]. В августе 1950 г. в Пекине состоялась Первая национальная конференция здравоохранения, на которой были приняты три руководящих принципа, сформулированных председателем КПК Мао: 1) служить нуждам рабочих, крестьян и солдат; 2) отдавать приоритет профилактике над лечением; 3) объединять возможности китайской и западной медицины. Эти три принципа неизменно фигурировали во всех докладах официальных представителей китайского здравоохранения вплоть до декабря 1952 г., в том числе в выступлениях председателя Китайской медицинской ассоциации доктора Фу Лин-Чана [*Fu Lien Chang*, 1953 а, p. 6; *Fu Lien Chang*, 1953 б, p. 160; *Fu Lien Chang*, 1953 с, p. 229, 237]. Их воплощение на практике было предметом особого внимания со стороны как чиновников здравоохранения, так и высшего политического руководства.

После того, как в апреле 1952 г. Мао впервые заявил о необходимости связать борьбу против «американских микробов» с улучшением общественного здоровья, в идеологическом обеспечении практики здравоохранения наметилась новая тенденция, связанная с привлечением народных масс к профилактике опасных заболеваний и заботе о санитарии и гигиене. В декабре 1952 г. состоялась Вторая национальная конференция здравоохранения, на

которой глава правительства КНР Чжоу Эньлай озвучил еще один важный принцип, призванный дополнить первые три, – Патриотическое движение за общественное здоровье. «Жэньминь Жибао» и другие центральные газеты тотчас же подхватили его и стали пропагандировать в народном сознании. Чтобы закрепить этот новый принцип на законодательном уровне, 31 декабря 1952 г. была опубликована Директива Государственного совета «Об усилении Патриотического движения за общественное здоровье в 1953 г.» [*Tao-tai Hsia*, 1973, p. 119]. Тогда же Комитет по профилактике болезней при Государственном совете был переименован в Комитет по проведению кампании за общественное здоровье. Этим подчеркивалась особая значимость патриотического народного участия в деле здравоохранения.

Фу Лин-Чан комментировал все четыре принципа организации народного здравоохранения в своих докладах на конференциях Китайской медицинской ассоциации. При этом доктор Фу отмечал, что Патриотическое движение за общественное здоровье тесно связано с другими патриотическими движениями – Движением по приобретению оружия для армии, Движением сопротивления американской агрессии и помощи Кореи, Движением против американской бактериологической войны, Движением за массовое санитарное просвещение, Движением «Санфан» (против бюрократии, коррупции и расточительства) [*Fu Lien Chang*, 1953 с, p. 229–234]. Очевидно, что из всех перечисленных им движений именно Патриотическое движение за общественное здоровье рассматривалось доктором Фу как наиболее значимое, поэтому он так подробно характеризовал его в своих докладах. Приветствуя успехи Китая в области народного здравоохранения, связанные с воплощением в жизнь четвертого руководящего принципа, он заявлял: «Участвуя в Патриотическом движении за общественное здоровье, весь народ приобрел знания в области личной гигиены. В городах рабочие, прежде чем прикоснуться к пище и напиткам, обрабатывают ногти и дезинфицируют руки. Крестьяне теперь используют зубные щетки и отказываются пить некипяченую воду. В регионах, где проживали национальные меньшинства, многие люди не знали о личной гигиене. В выборе лекарств они все еще оставались преисполнены суеверий. Но эти обычаи теперь постепенно исчезают. По всей стране люди по собственной инициативе уделяют по не-

сколько дней участию в санитарных инспекциях и разрабатывают правила, которым должно следовать Патриотическое движение за общественное здоровье. Помимо этого рабочие, шахтеры и крестьяне учитывают результаты своей работы по охране здоровья при оценке производственных достижений. Поэтому забота о здоровье – это ежедневное дело для каждого» [Fu Lien Chang, 1953 а, р. 6].

Действительно, Корейская война изменила китайское здравоохранение, открыв перед всеми силами общества новые горизонты в понимании того, как следует заботиться о здоровье. В Китае эта война вызвала небывалый взлет патриотизма и мощный эмоциональный подъем, способствуя проявлению творческой инициативы как со стороны высшего политического руководства страны, так и со стороны народа. Выйдя из разрушительной гражданской войны, которой предшествовала многолетняя война с Японией, Китай почти сразу же вступил в войну с США, которые на тот момент были единственными обладателями ядерного оружия. Этот фактор не мог не учитываться китайским руководством. Когда к концу 1951 г. американские войска утратили преимущество на Корейском театре военных действий, Мао и другим руководителям КНР было несложно представить ситуацию, при которой враг решит применить какой-либо вид оружия массового поражения, чтобы склонить чашу весов в свою пользу. Вероятность того, что им может быть бактериологическое оружие, была весьма велика, поскольку всего за несколько лет до этого такой же тип оружия на китайцах был испытан Японией.

Несмотря на то, что многие из фактов применения бактериологического оружия не нашли подтверждения, в целом китайское руководство склонилось к тому, что это оружие применялось – как против КНДР, так и против Китая. С февраля 1952 г. китайские власти стали информировать международную общественность и собственное население о том, что такое оружие применяется американской авиацией. Последнее привело к росту панических настроений и потребовало от китайских властей взять ситуацию под контроль. Мобилизация китайского населения на борьбу с бактериологической опасностью почти сразу же дала старт массовым кампаниями по улучшению санитарно-гигиенических условий. Борьба с американским империализмом и «американскими микробами» превратилась в борьбу за обществен-

ное здоровье. В сущности, это и стало основным механизмом трансформации китайского здравоохранения, которое, благодаря массовому участию населения в санитарных мероприятиях и привлечению к новым гигиеническим стандартам, сделало здравоохранением деятельным, профилактическим, всенародным. В таком виде данная модель здравоохранения в Китае с некоторыми изменениями просуществовала до конца 1980-х годов.

Список литературы

- Лао Шэ. Лунсюйгоу. – Москва : Искусство, 1954. – 92 с.
- Лотоцкий С.С. Война в Корее 1950–1953. – Санкт-Петербург : Полигон, 2000. – 928 с.
- Орлов А.С., Гаврилов В.А. Тайны Корейской войны. – Москва : Вече, 2003. – 398 с.
- Попов И.М., Лавренев С.Я., Богданов В.Н. Корея в огне войны: к 55-летию начала войны в Корее, 1950–1953 гг. – Москва ; Жуковский : Кучково Поле, 2005. – 543 с.
- Супотницкий М.В. Забытая биологическая война на Корейском полуострове – технические детали // Вестник войск РХБ защиты. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 441–461.
- Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 гг. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 295 с.
- Bu L. Public Health and the Modernization of China, 1910–2015. – New York : Routledge, 2017. – 301 p.
- Buchanan T. The Courage of Galileo: Joseph Needham and the “Germ Warfare” Allegations in the Korean War // History: Journal of the Historical Association. – 2001. – Vol. 86, No. 284. – P. 503–522.
- Cowdrey A.E. “Germ Warfare” and Public Health in the Korean Conflict // History of Medicine and Allied Sciences. – 1984. – Vol. 39, No. 2. – P. 153–172.
- Crane C.C. Korean War Biological Warfare Allegations against the United States: A Playbook for the Current Crisis in Ukraine. – Carlisle, Pennsylvania : US Army War College Press Strategic Studies Institute, 2022. – 13 p.
- Ellis van Courtland Moon J. Biological Warfare Allegations: The Korean War Case // Annals of New York Academy of Sciences. – 1989. – Vol. 666, No. 1. – P. 53–83.
- Fu Lien Chang. An Address to the Members of the Medical Profession Among the Delegates to the Peace Conference of the Asian and Pacific Regions // Chinese Medical Journal. – 1953 a. – Vol. 71, No. 1. – P. 1–6.
- Fu Lien Chang. Summing-Up Report on the Ninth General Conference of the Chinese Medical Association Held in Peking on December Fourteenth to Seventeenth, 1952 // Chinese Medical Journal. – 1953 b. – Vol. 71, No. 2. – P. 159–162.
- Fu Lien Chang. Summing-Up Report on the Activities of the Chinese Medical Association Since the Eighth General Conference // Chinese Medical Journal. – 1953 c. – Vol. 71, No. 3. – P. 229–240.

- Leitenberg M. The Korean War Biological Weapon Allegations: Additional Information and Disclosures // *Asian Perspective*. – 2000. – Vol. 24, No. 3. – P. 159–172.
- Mammoth Sanitation Campaign in Peking // *Chinese Medical Journal*. – 1959. – Vol. 79, No. 3. – P. 372.
- Nianqun Yang. Disease Prevention, Social Mobilization and Spatial Politics: The Anti Germ-Warfare Incident of 1952 and the “Patriotic Health Campaign” // *Chinese Historical Review*. – 2004. – Vol. 11, No. 2. – P. 155–182.
- Powell T. Biological Warfare in the Korean War: Allegations and Cover-up // *Socialism and Democracy*. – 2017. – Vol. 31, No. 1. – P. 23–42.
- Report of the International Scientific Commission for the Investigation of the Facts Concerning Bacterial Warfare in Korea and China / Ed. J. Needham. – Peking, 1952. – 63 p.
- Rogaski R. *Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China*. – Berkeley, Ca. : University of California Press, 2004. – 401 p.
- Rogaski R. Nature, Annihilation, and Modernity: China’s Korean War Germ-Warfare Experience Reconsidered // *Journal of Asian Studies*. – 2002. – Vol. 61, No. 2. – P. 381–415.
- Shiwei Chen. History of Three Mobilizations: A Reexamination of the Chinese Biological Warfare Allegations against the United States in the Korean War // *The Journal of American-East Asian Relations*. – 2009. – Vol. 16, No. 3. – P. 213–247.
- Tao-tai Hsia. Laws in Public Health // Quinn J.R. (ed.) *Medicine and Public Health in the People’s Republic of China*. – Washington, DC : US Department of Health, Education and Welfare, 1973. – P. 113–140.
- Yip K.-C. Health and National Reconstruction in Nationalist China: Development of Modern Health Services, 1928–1937. – Ann Arbor : Association for Asian Studies, 1995. – 293 p.

References

- Bu L. (2017). *Public Health and the Modernization of China, 1910–2015*. New York: Routledge, 301 p.
- Buchanan T. (2001). The Courage of Galileo: Joseph Needham and the ‘Germ Warfare’ Allegations in the Korean War. *History: Journal of the Historical Association*, vol. 86, no. 284, pp. 503–522.
- Cowdrey A.E. (1984). “Germ Warfare” and Public Health in the Korean Conflict. *History of Medicine and Allied Sciences*, vol. 39, no. 2, pp. 153–172.
- Crane C.C. (2022). *Korean War Biological Warfare Allegations against the United States: A Playbook for the Current Crisis in Ukraine*. Carlisle, Pennsylvania: US Army War College Press Strategic Studies Institute, 13 p.
- Ellis van Courtland Moon J. (1989). Biological Warfare Allegations: The Korean War Case. *Annals of New York Academy of Sciences*, vol. 666, no. 1, pp. 53–83.
- Fu Lien Chang (1953 a). An Address to the Members of the Medical Profession Among the Delegates to the Peace Conference of the Asian and Pacific Regions. *Chinese Medical Journal*, vol. 71, no. 1, pp. 1–6.

- Fu Lien Chang (1953 b). Summing-Up Report on the Ninth General Conference of the Chinese Medical Association Held in Peking on December Fourteenth to Seventeenth, 1952. *Chinese Medical Journal*, vol. 71, no. 2, pp. 159–162.
- Fu Lien Chang (1953 c). Summing-Up Report on the Activities of the Chinese Medical Association Since the Eighth General Conference. *Chinese Medical Journal*, vol. 71, no. 3, pp. 229–240.
- Lao She. (1954). *Lunsyugou*. Moscow: Iskusstvo, 92 p. (In Russ.)
- Leitenberg M. (2000). The Korean War Biological Weapon Allegations: Additional Information and Disclosures. *Asian Perspective*, vol. 24, no. 3, pp. 159–172.
- Lototsky S.S. (2000). *War in Korea 1950–1953*. St Petersburg: Polygon, 928 p. (In Russ.)
- Mammoth Sanitation Campaign in Peking (1959). *Chinese Medical Journal*, vol. 79, no. 3, p. 372.
- Nianqun Yang. (2004). Disease Prevention, Social Mobilization and Spatial Politics: The Anti Germ-Warfare Incident of 1952 and the “Patriotic Health Campaign”. *Chinese Historical Review*, vol. 11, no. 2, pp. 155–182.
- Orlov A.S., Gavrilov V.A. (2003). *Secrets of the Korean War*. Moscow: Veche, 398 p. (In Russ.)
- Popov I.M., Lavrenev S.Y., Bogdanov V.N. (2005). *Korea in the Fire of War: Toward the 55th Anniversary of the Beginning of the Korean War, 1950–1953*. Moscow; Zhukovsky: Kuchkovo Pole, 543 p. (In Russ.)
- Powell T. (2017). Biological Warfare in the Korean War: Allegations and Cover-up. *Socialism and Democracy*, vol. 31, no. 1, pp. 23–42.
- Report of the International Scientific Commission for the Investigation of the Facts Concerning Bacterial Warfare in Korea and China (1052)*, Ed. J. Needham. Peking, 63 p.
- Rogaski R. (2004). *Hygienic Modernity: Meanings of Health and Disease in Treaty-Port China*. Berkeley, Ca.: University of California Press, 401 p.
- Rogaski R. (2002). Nature, Annihilation, and Modernity: China’s Korean War Germ-Warfare Experience Reconsidered. *Journal of Asian Studies*, vol. 61, no. 2, pp. 381–415.
- Shiwei Chen (2009). History of Three Mobilizations: A Reexamination of the Chinese Biological Warfare Allegations against the United States in the Korean War. *The Journal of American-East Asian Relations*, vol. 16, no. 3, pp. 213–247.
- Suptonitskiy M.V. (2019). Forgotten Biological War on the Korean Peninsula – Technical Details. *Journal of NBC Protection Corps*, vol. 4, no. 4, pp. 441–461. (In Russ.)
- Tao-tai Hsia (1973). Laws in Public Health. *Medicine and Public Health in the People’s Republic of China*, ed. J.R. Quinn. Washington, DC: US Department of Health, Education and Welfare, pp. 113–140.
- Torkunov A.V. (2000). *Enigmatic War: The Korean Conflict 1950–1953*. Moscow: ROSSPEN, 295 p. (In Russ.)
- Yip K.-C. (1995). *Health and National Reconstruction in Nationalist China: Development of Modern Health Services, 1928–1937*. Ann Arbor: Association for Asian Studies, 293 p.

ФАКТОРЫ КОЛОНИАЛИЗМА И ДЕКОЛОНИЗАЦИИ: ВЗАЙМОСВЯЗЬ С ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКОЙ ГЕРМАНИИ

Филипп Олегович ТРУНОВ

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник

Отдела Европы и Америки
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, Нахимовский проспект, 51/21, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

Статья поступила в редакцию 13.04.2024

Аннотация. В начале 2020-х годов ФРГ столкнулась с масштабной деградацией стратегических позиций в странах происхождения вооруженного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее Сахары. Это поднимает вопрос об отношении Германии к феномену деколонизации в современных формах как тенденции формирования нового миропорядка. В статье рассматривается подход Германии к факторам колониализма и деколонизации. В сопоставлении с Великобританией и Францией Второй рейх создал намного меньшую по масштабам и просуществовавшую более короткое время колониальную империю. Третий рейх разгромил часть западноевропейских метрополий (в первую очередь Францию) и ослабил другую (Великобританию), что способствовало ослаблению их влияния в колониальных системах. Притом последние не были подвергнуты оккупации со стороны нацистского режима из-за его поражений на советско-германском фронте. Вовлеченность ФРГ в конфронтацию Запад – Восток в Европе привела к ее неучастию в войнах «западных демократий» против деколонизации (во Вьетнаме, Алжире). Все эти положения способствовали возникновению достаточно положительного образа ФРГ в деколонизированном мире. Официальный Берлин пытался использовать и укреплять данный имидж при принятии роли миротворца в зонах вооруженных конфликтов в Азии и Африке в

2000–2010-е годы. Однако наблюдается расшатывание данного образа Германии в условиях подчеркивания ею принадлежности к Западу, когда он перешел к «сдерживанию» оппонентов. Последние включали внутренние силы в странах происхождения конфликта, которые стремились к национализации урегулирования (в частности Сирии и Мали).

Ключевые слова: Новый миропорядок, деколонизация, колониализм, Ближний Восток, Сахаро-Сахельский регион, Германия, внешняя политика, Запад, не-Запад.

THE PHENOMENA OF COLONIALISM AND DECOLONIZATION: CONNECTION WITH GERMANY'S FOREIGN POLICY

Philippe O. TRUNOV

Candidate of Political Sciences, Leading Researcher

Department of Europe and America

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

117418, Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: 1trunov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7092-4864

Received 13.04.2024

Abstract. In the early 2020 s Germany faced the fact of the degradation of strategic positions in the countries of origin of armed conflict in the Near and Middle East, Africa north of the Sahara. It raises the question of Germany's approach to the decolonization in modern forms as the tendency of the new world order creation. The article issues Germany's attitude to the phenomena of colonialism and decolonization. Compared to Great Britain and France the Second Reich had created a much smaller and shorter-lasting colonial empire. The Third Reich had defeated the part of West-European metropolis (first of all, France) and weakened another part (the UK). It led to the reduction of the influence of the metropolis over their colonies. The last were not occupied by Nazi Germany only because of its defeats on the Soviet-German front. The full-fare FRG's participation in the confrontation West – East in Europe has meant to the non-participation of West Germany in the wars of “Western democracies” against decolonization (in Vietnam, Algeria). All these provisions contributed to the emergence of a fairly positive image of FRG in the decolonized world. Official Berlin has tried to use and strengthen the image as peacekeeper in the zones of armed conflicts in Asia and Africa in 2000–2010 s. But there has been the degradation of the image when Germany has stressed its belonging to the West in the situation when the West has launched the full-fare deterrence and containment of its opponents. The last ones in-

clude the internal in the countries of origin of armed conflict which tried to nationalize the process of the resolution (for example, in Syria or Mali).

Keywords: New world order, decolonization, colonialism, Near East, Sahara-Sahel region, Germany, foreign policy, West, non-West.

В современных реалиях проходит через кризисное состояние система глобального стратегического (политического и военного) присутствия ФРГ. Ее официальный Берлин последовательно пытался выстраивать с начала XXI в. Наиболее отчетливо проблемы проявились на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора. Символами стали: экстренная эвакуация германского контингента (в числе других сил государств – членов НАТО) из Афганистана к июлю 2021 г. [Новикова, 2022], вынужденное свертывание и без того ограниченной активности бундесвера в Сирии к январю 2022 г. [Тимофеев, Хорольская, 2022, с. 151] и масштабного присутствия в Мали в 2022–2024 гг. [Сидоров, 2022 б]. Вероятно, однако, не немедленно и уже в несколько иной конфигурации, официальный Берлин будет стремиться воссоздать полноценное стратегическое присутствие в указанных регионах.

Эти попытки, как и предшествующая утрата позиций, будут осуществляться в условиях формирования нового миропорядка [Братерский, 2024; Караганов, 2022]. Одна из его черт для многих государств Азии и Африки, в том числе тех, которые стремятся перейти на путь постконфликтного развития, заключается в заметном укреплении национального суверенитета [Абрамова, Фитуни, 2023]. Значимая составляющая этого процесса – уменьшение различных форм зависимости от бывших метрополий, их ближайших союзников, ориентированных на них структур. Все они относятся к сообщству «западных демократий». В связи с этим ряд отечественных ученых говорит о новой волне деколонизации, притом в очень широком смысле [Дегтерев, 2023], включая ментальное сознание истеблишмента стран, которые перестали быть колониями уже несколько десятилетий назад [Фитуни, Абрамова, 2022].

Задача статьи – исследовать взаимосвязь феноменов колониализма и деколонизации со внешней политикой Германии, особенно в современных реалиях, обратившись к исторической и современной ситуации на Ближнем Востоке и в Африке севернее экватора. Ученые, прежде всего отечественные, создали ряд работ, которые посвящены диалогу Германии с бывшими ее колониями,

в том числе учету фактора исторической памяти [Ивкина, 2022; Турыгин, 2023]. Логично, что иностранные эксперты, особенно немецкие, весьма ограниченно обращались к данной тематике. Вместе с тем указанные труды еще не позволили создать комплексную картину влияния факторов колониализма и деколонизации на внешнюю политику ФРГ. Данная статья представляет одну из попыток закрыть эту обширную «лакуну» в научных изысканиях.

Утрата колониальной империи Второго рейха: фактор имиджевых преимуществ для ФРГ

Система колониальных владений Германской империи (Второго рейха) заметно отличалась от таковых у Великобритании и Франции. В будущем, со второй половины XX в., это обеспечило уже для ФРГ ряд имиджевых преимуществ, что выглядит на первый взгляд парадоксальным.

Основные отличительные особенности колоний Берлина, Лондона и Парижа, производные этого состояли в следующем. Германия приступила к захвату и освоению заморских владений хронологически позже, выделила для этого намного меньшие ресурсы (в частности военные), чем Великобритания и Франция. Площадь колоний также резко различалась: их система у Второго рейха на карте мира в целом носила скорее очаговый, а не сплошной характер¹. Так, на 1913 г. площадь колоний Великобритании составляла 33,5 млн кв. км, Франции – 10,6 млн кв. км, а Германии – 2,9 млн кв. км². В заморских владениях Соединенного Королевства перед Первой мировой войной проживало 393,5 млн жителей, Третьей республики – 55,5 млн человек, Второго рейха – 12,3 млн населения³. Однако жесткость действий германских колонизаторов была отнюдь не меньшей, чем у британских или французских: иллюстративен пример с геноцидом племен гереро и нама на намибийской территории (Германская Юго-Западная Африка) в 1904–1908 гг. [Ивкина, 2022].

¹ Атлас офицера. – Москва : Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. – С. 228.

² Там же.

³ Там же.

Намного раньше, чем другие западноевропейские державы, Германия утратила свои колониальные владения – де-факто уже в ходе Первой мировой войны (в основном уже в 1914 г.)¹, де-юре по ее итогам. Эти положения, будучи для тогдашних реалий воспринятые в Берлине негативно, в будущем оказались выгодны для Германии. Печальный исторический след колонизаторства у нее оказался намного менее масштабным и хронологически продолжительным, чем у Лондона или Парижа. Притом это произошло отнюдь не по желанию Второго рейха, но вопреки ему. Особенно выгодным для Германии оказался тот факт, что ее колонии были в основном расположены не в Магрибе и Машрике, Сахеле, а в более отдаленных от Европы частях Африки и Азии. Ограничность исторической памяти о Германии как о колонизаторе непосредственно на Ближнем Востоке и в Африке севернее Сахары весьма способствовал положительному восприятию ФРГ уже в реалиях XXI в.

Фактор колониализма и агрессивные устремления Третьего рейха

В еще большей мере это положение было обусловлено неспособностью Третьего рейха направить сюда достаточно крупные военные силы в ходе Второй мировой войны. Такая ситуация сложилась вопреки намерениям нацистского режима: препятствовали исключительная степень скованности вермахта на советско-германском фронте, огромные потери и масштабные неудачи здесь. В Северной Африке действовал с февраля 1941 по май 1943 г. танковый корпус вермахта «Африка» (основа – две танковые дивизии), став «ядром» германо-итальянской танковой армии с однотипным названием [Вторая мировая … , 1983, с. 64]. Имея в качестве ударного «кулака» всего четыре дивизии вермахта (две танковые и две моторизированные), это объединение создало угрозу бассейну Нила и, тем самым, уже ближневосточным владениям Великобритании. Это потребовало от Соединенного Королевства напряжения сил, активного обращения к военно-техни-

¹ Атлас офицера. – Москва : Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. – С. 229.

ческой помощи США. И даже при таком раскладе поражение армии «Африка» под Эль-Аламейном глубокой осенью 1942 г. оказалось весьма непростой задачей [Вторая мировая … , 1983, с. 79]. У истории нет сослагательного наклонения. Вместе с тем можно уверенно утверждать, что, если бы вермахт сумел достичь успехов в борьбе с Красной армией на Кавказе и под Сталинградом, его танковые и моторизированные дивизии сумели бы захватить Левант, добраться до Индии и нанести удар навстречу армии «Африка» в Египте. Разрушительным стало бы и использование даже относительно некрупной группировки вермахта (например 1–2 моторизованных дивизий) в Сахаро-Сахельском регионе. Вновь следует подчеркнуть, что этого не произошло по единственной главной причине: скованности вермахта на советско-германском фронте. По сравнению с Эль-Аламейном только под Сталинградом Германия и ее сателлиты потеряли личного состава больше почти в 14 раз, орудий и минометов – в 25 раз, танков – в 4 раза [Вторая мировая … , 1983, с. 79]. Жертвенный вклад СССР в борьбу с блоком агрессоров (наиболее распространенной и верифицируемой представляется оценка потерь Советского Союза в 27 миллионов человек) способствовал тому, что страшные по моши и разрушительным последствиям удары Третьего рейха были в основном отведены от Ближнего и Среднего Востока, Африки. Так, во Второй мировой войне погибло 10 тысяч представителей народов Африки [Вторая мировая … , 1983, с. 213].

Значимы также два вопроса, связанных с состоянием дел в колониальной империи Франции после того, как в мае – июне 1940 г. метрополия была стремительно разгромлена Третьим рейхом. Через коллаборационистский режим Виши официальный Берлин в 1940–1942 гг. установил опосредованный контроль над большинством французских колоний в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Вместе с тем речь не шла о прямом таковом – на всех данных де-юре французских территориях отсутствовали сами германские чиновники и силы вермахта (кроме Туниса в начале 1943 г., когда сюда отошла, а затем капитулировала группа армий «Африка»). Показательно также, что администрация в этих колониях боролась со «Сражющейся Францией» (в 1940–1942 гг. – «Свободной Францией»), обычно выходя из подчинения правительству Виши только в условиях появления сил американо-

британских союзников [Молчанов, 1988, с. 161–166, 182–198; Вторая мировая … , 1983, с. 79].

Не менее важно иное – скоротечный и полномасштабный военный разгром Франции летом 1940 г., частичная (севера страны), а затем (с 1942 г.) и полная оккупация метрополии резко ослабили ее до того превалирующую роль в отношениях с колониями. Показав военную, а тем самым также политическую и экономическую беспомощность, метрополия резко утратила свой авторитет и отчасти даже положение несущего элемента каркаса колониальной системы. Следует подчеркнуть, что «Свободная Франция», возникнув на территории Великобритании, начала свой политический и боевой путь борьбы с нацизмом и коллаборационизмом в колониях в Сахаро-Сахельском регионе [Молчанов, 1988, с. 154–155]. Тем самым, не метрополия или наиболее сильные колонии, но весьма отдаленные, не располагавшие крупными военными силами заморские территории Франции стали первым центром борьбы с коллаборационизмом. Представляется, что этот факт сыграл значимую роль в дальнейшем, после окончания Второй мировой войны, движении уже к независимости от официального Парижа.

В отличие от Франции, Великобритании удалось избежать разгрома в борьбе с Третьим рейхом: и здесь основная причина усматривается в нацеливании главных сил вермахта уже осенью 1940 г. на подготовку грядущего вторжения в СССР. Однако Соединенное Королевство в 1940–1942 гг. находилось в тяжелом стратегическим оборонительном положении. Это потребовало от официального Лондона побудить колонии и доминионы на развертывание достаточно многочисленных военных сил. Так, в сентябре 1939 г. последние насчитывали 0,4 млн военных (при численности сил самой метрополии в 1,3 млн солдат и офицеров), к июню 1945 г. – 4,2 млн военнослужащих, т.е. выросли в 10 раз (войска самого Соединенного Королевства увеличились в 4 раза, до 5,1 млн человек личного состава) [Вторая мировая … , 1983, с. 79, 282]. Войска колоний и доминионов были активно задействованы в борьбе с блоком агрессоров: в частности, в сражении под Эль-Аламейном успех был во многом достигнут благодаря австралийским, новозеландским и индийским формированиям. Таким образом, натиск Третьего рейха способствовал росту зависимости

официального Лондона от заморских владений, тем самым – сокращению его направляющей роли. **Тенденция ослабления влияния и роли метрополии в колониальной системе** Великобритании не приобрела такого масштаба и характера, как в случае Франции, однако она имела место.

Влияние фактора разгрома метрополии Третьим рейхом на последующий распад колониальной империи был характерен и для Нидерландов. Как и Франция, они оказались не в состоянии организовать эффективное сопротивление в своих колониях в Юго-Восточной Азии японским милитаристам. Разрушение системы колониальных владений Италии также оказалось во многом связано с фактором Третьего рейха. Агрессия официального Рима против Абиссинии (1935–1936) и ее оккупация стали важной предтечей Второй мировой войны. Однако уже в ходе нее фашистская Италия демонстрировала более чем ограниченную военную дееспособность, все более оказываясь в положении сателлита нацистской Германии. Логично, что официальный Рим оказался выведен из блока агрессоров раньше Берлина, уже к 1943 г. де-факто лишился всех своих колоний¹. Напротив, Португалия, которая не приняла активного участия во Второй мировой войне, сумела сохранять систему своих колониальных владений вплоть до 1975 г.

Таким образом, агрессивные устремления и действия Третьего рейха нанесли серьезный удар по ведущим «западным демократиям» в Европе как метрополиям, в целом по их колониальным системам. Показательно, что процесс деколонизации стартовал уже в 1946–1947 гг., а первые элементы войск национального освобождения оформились как силы сопротивления германскому нацизму и японскому милитаризму, коллаборационистам, в число которых вошла существенная часть представителей колониальной администрации поверженных метрополий [Вторая мировая … , 1983, с. 173–178]. Уродливые по своим формам и направленности, человеконенавистнические деяния блока агрессоров оказали мощное воздействие на феномен колониализма: сопротивление прежде всего нацистской Германии и ее пособникам закономерно переросло в движение за деколонизацию. Тем самым в

¹ Атлас офицера. – Москва : Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. – С. 284.

увязке с активностью Третьего рейха оказались дискредитирована не только сама нацистская Германия, но и ее оппоненты из числа «западных демократий», чьи элиты не смогли оказать должного отпора агрессии, а в ряде случаев пошли на сговор и пособничество. Притом, вновь следует обратить внимание, что пространства Африки (кроме части Северной), Ближнего и Среднего Востока оказались весьма слабо затронуты боевыми действиями Второй мировой войны. Поэтому конкретно в этих регионах, особенно расположенных здесь французских колониях, неприятие нацизма оказалось примерно на одном уровне с таковым в отношении коллаборационизма и метрополии.

ФРГ и проблема деколонизации в холодную войну

Германия как основной агрессор в ходе Второй мировой войны закономерно временно (в 1945–1949 гг.) утратила национальную государственность. Вновь возникшее в 1949 г. при поддержке «западных держав» (США, Великобритании и Франции) западно-германское государство получило название Федеративная Республика Германия. На протяжении четырех десятилетий, вплоть до окончания холодной войны, ФРГ в военно-стратегическом отношении была целиком сосредоточена на участии в выстраивании конфронтации Запад – Восток, не используя вооруженные силы (бундесвер) за пределами национальных границ¹. Отражая закономерную ограниченную дееспособность ФРГ как актора, это положение де-факто в основном содействовало будущему укреплению позиций страны в деколонизирующемся мире.

Отсутствие колоний оказалось в 1950–1980-е годы выгодным для Боннской республики сразу в нескольких отношениях. Прежде всего, ФРГ в принципе не переживала процесс утраты заморских владений, не участвовала как метрополия или ее близкий союзник в вооруженных конфликтах в (бывших) колониях, что оказалось весьма изнурительно в различных отношениях. Наиболее иллюстративны примеры ведения Францией Первой Индокитайской войны (1946–1954) и таковой в Алжире (1954–1962)

¹ The Bundeswehr on operations. – Berlin : Federal Ministry of Defence, 2009. – Р. 14–21.

[Молчанов, 1988, с. 191–219], притом обе они были проиграны. Не менее значим другой пример – полномасштабного участия США и группы их ближайших партнеров (в частности Великобритании и в целом группы англосаксонских стран) во Второй Индокитайской войне 1964–1972 гг. [Дэвидсон, 2002, с. 368–708]. Поддержка США властей в Сайгоне воспринималась существенной частью мира как противление если не самой деколонизации, то ее непосредственным производным. По этой причине Соединенные Штаты понесли большие издержки, в том числе репутационные, утратив существенную часть создаваемого имиджа как державы почти без колоний, которая в целом поддерживала обретение ими независимости. Масштабное сопротивление национально-освободительным силам привело к итоговому весьма чувствительному поражению во Второй Индокитайской войне, обрушению сайгонского режима в Третьей войне (1972–1975). ФРГ избежала «алжирского» и «вьетнамского» синдромов, что способствовало не только укреплению ее моши (и удельного стратегического веса по отношению к «западным державам»), но стало предпосылкой для создания позиций в деколонизирующемся мире.

Воссоздав и нарастив торгово-хозяйственный потенциал в результате «экономического чуда», ФРГ начала активно экспортировать промышленную продукцию и параллельно предоставлять официальную помощь развитию (ОПР) в страны «третьего мира». Из их числа существенную часть составляли бывшие колонии, которые провозглашали независимость. Фокусирование на использовании экономических возможностей, в том числе безвозмездных, содействовало закреплению за ФРГ достаточно положительного имиджа. Эта тактика сочеталась с готовностью во многих случаях достаточно быстро политически признавать, устанавливать и поддерживать дипломатические отношения со странами, которые только что освободились от колониальной зависимости. Так, несмотря на стремление к установлению продвинутого диалога с Францией, ФРГ первой в мире признала независимость Мали в 1960 г.¹

¹ Mali: Beziehungen zu Deutschland. Auswärtiges Amt. – 2024. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/mali-node/bilateral/208244> (дата обращения: 13.04.2024).

Деколонизация стран Азии и Африки открывала для ФРГ широкие перспективы для стратегического проникновения. Однако они вплоть до конца 1980-х годов были в основном потенциальными, а не экзистенциональными. Причина – уже отмеченная военно-политическая сосредоточенность ФРГ на выстраивании конфронтации Запад – Восток в Европе и подготовке к решению «германского вопроса» в выгодном для себя варианте, т.е. включении в состав Боннской республики территории ГДР. Этот результат был де-юре достигнут в 1990 г., что стало предпосылкой для резкой активизации уже Федеративной Республики Германия на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора¹.

Деколонизация в новых измерениях и внешняя политика ФРГ

Основная форма обеспечения стратегического присутствия ФРГ в Азии и Африке в 1990–2010-е годы – вовлечение в качестве внешнего актора-миротворца в урегулирование вооруженных конфликтов, большинство из которых были внутренними (внутригосударственными). Урегулирование, в отличие от биполярного миропорядка, уже в постбиполярных реалиях оказалось намного более проблематичным. Сложности достичь и реализовать соглашения о прекращении огня и примирении сочетались с подключением к этому растущего числа внешних игроков, т.е. интернационализации процесса [Степанова, 2020].

Данная тенденция для ФРГ как открывала возможности, так и создавала риски – в плане ответственности и последствий в случае неудачи усилий по урегулированию. К числу преимуществ относилась возможность легально разворачивать де-юре небоевые долгосрочные миссии бундесвера (прежде всего по миротворчеству и поддержанию мира, военно-тренировочные), т.е. учреждать его присутствие. Германские контингенты действовали почти исключительно в составе многосторонних сил профильных международных структур (ООН, НАТО, ЕС и даже АС², хотя ФРГ не яв-

¹ Mali: Beziehungen zu Deutschland. Auswärtiges Amt. – P. 51–103. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/mali-node/bilateral/208244> (дата обращения: 13.04.2024).

²Ibid.

лялась государством – членом Африканского союза). Руководство ФРГ стремилось избежать или сделать сугубо точечными боевые (силовые) эпизоды применения бундесвера в зонах вооруженных конфликтов, тем самым создавая образ Германии как взвешенного и осторожного в вопросах применения силы игрока. Все данные тактики использования, вкупе с подчеркиванием борьбы с угрозами нестабильности как цели для бундесвера, должны были в понимании официального Берлина снять или минимизировать критическое восприятие появления германских военных в различных частях мира. Стремясь стать одним из миротворцев на глобальном уровне, Германия одновременно пыталась утвердиться в положении мировой державы и уменьшить историческую память о себе как об основном агрессоре во Второй мировой войне. Показателен отказ ФРГ от военного участия в боевых операциях «коалиции желающих» во главе с США и Великобританией в 2003 г. в Ираке (был в 1932–1958 гг. под фактическим британским управлением), Франции и Великобритании в 2011 г. в Ливии (являлась итальянской колонией в 1912–1942 гг.).

Данная линия нашла активное применение в Магрибе, Марокко, Сахаро-Сахельском регионе и на Африканском Роге. Примечательно, что из числа стран происхождения вооруженного конфликта, которые в прошлом были колониями европейских стран, ФРГ предпочитала наиболее активно и масштабно использовать свой военный и политический инструментарий на постимперских пространствах Франции, в намного меньшей степени – Великобритании. Это может быть объяснено, *во-первых*, историко-географическими причинами: на Ближнем Востоке, в Северной и Западной Африке в прошлом преобладающая по площади часть колоний принадлежала официальному Парижу; заморские владения Лондона в основном находились в более отдаленных от Европы частях мира.

Во-вторых, все же заметно различался характер и объем сотрудничества Германии с Великобританией и Францией в сфере безопасности и обороны. Такой диалог с официальным Парижем, например, был намного более продвинутым; не менее важно иное – в этом случае Берлин мог куда настойчивее и успешнее претендовать на роль старшего партнера [Чернега, 2019]. Так, едва ли не ключевой причиной Brexit'a выступало весьма болезненное отношение Лондона к укреплению позиций ФРГ в Евро-

Атлантическом сообществе [Ананьева, 2023]. Применительно к действиям в конфликтогенных странах, где влияние Франции как бывшей метрополии было значительным, это означало тактику «выхода из-за спины партнера». ФРГ опиралась на имевшееся влияние и поддержку Пятой республики для создания собственных стратегических позиций. Наиболее отчетливо и последовательно эта линия была реализована в Мали и в ряде сопредельных стран (прежде всего, в Буркина-Фасо, Нигере, по ряду направлений и в Алжире) в середине – второй половине 2010-х годов. Как результат – германское стратегическое влияние в Сахаро-Сахельском регионе и отчасти в Северной Африке возросло, приблизившись по размерам к французскому [Tull, 2019]. Примеры тому – политico-дипломатического характера: турне канцлера ФРГ А. Меркель в мае 2019 г. по Буркина-Фасо, Нигеру, Мали с проведением саммита «G5+1» (страны «сахельской пятерки», включая также Мавританию и Чад, с одной стороны; Германия – с другой)¹ по образцу аналогичных исторически традиционных поездок президента Франции. На фоне неудач Пятой республики запустить межливийский диалог в конце 2010-х годов [Сидоров, 2022 а; Lacher, 2021] официальный Берлин смог с января 2020 г. и оставался западным модератором конференции по Ливии, которая достигла ряда заметных успехов в прекращении огня и стабилизации². В военном отношении бундесвер на конец 2010-х годов имел контингенты в Мали, в составе сразу двух миссий – военно-тренировочной ЕС EUTM Mali и многопрофильной по поддержанию мира ООН MINUSMA³. Хотя размер военного присутствия Германии

¹ Zusammenarbeit mit Sahel-Region verstärken. Bundeskanzleramt. – 2019. – 03.05. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/zusammenarbeit-mit-sahel-region-verstaerken-1604352> (дата обращения: 13.04.2024).

² Pressekonferenz zum Abschluss der Berliner Libyen-Konferenz in Berlin. Bundeskanzleramt. – 2020. – 19.01. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/pressekonferenz-zum-abschluss-der-berliner-libyen-konferenz-1713884> (дата обращения: 13.04.2024).

³ Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der EU-geführten Ausbildungsmision EUTM Mali. – Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Drucksache 19/8971, 03.04.2019. – S. 2–7; Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Verein-

(до 1,5 тыс. военных на 2019 г.¹) был заметно меньше такового у Франции (5,1 тыс. солдат и офицеров на тот же момент) [Сидоров, 2022 b], бундесвер сумел дольше, чем войска партнера, сохранять его в условиях прихода к власти военных в Мали и их курса на политическое отдаление от Запада.

Одна из причин данного результата – тактическое дистанцирование Германии от Франции как бывшей метрополии по ряду важных вопросов. Так, официальный Берлин последовательно избегал участия в операциях *Serval* (2013–2014) и сменившей ее *Barkhane* (2014–2022): обе они имели боевую (силовую) компоненту и проводились под руководством Франции в национальном качестве. Вторая характеристика в соизмеримой степени с первой влияла на решение ФРГ, несмотря на неоднократные просьбы партнера по тандему [Сидоров, 2022 b]. Германия не присоединилась и к деятельности миссии *Takuba* (2020–2022), хотя она проходила уже под эгидой ЕС; более того, в *Takuba* приняли участие Великобритания и Канада, не являвшиеся государствами – членами Европейского союза². Данная позиция ФРГ казалась тем более парадоксальной на первый взгляд, учитывая активную роль Берлина в развитии и использовании потенциала ЕС в сфере безопасности и обороны. Однако в данном случае Германия стремилась стратегически несколько отойти от Франции и тех ее возможных провалов в Мали, которые действительно вскоре начались.

Вместе с тем следует понимать, это дистанцирование было несугубо *тактическим*, но отнюдь не стратегическим. Органическая встроенность ФРГ в сообщество «западных демократий» сохранилась. Более того, Берлин стал подчеркивать эту принадлежность намного более заметно, даже нарочито в условиях возникновения парадигмы «Запад – группа акторов вне него» (как не-Запад или «ядро» «коллективного большинства»), перехода «либеральных демократий» к «сдерживанию» данных оппонентов. Такое пози-

ten Nationen in Mali (MI-NUSMA). – Deutscher Bundestag, 19. Wahlperiode. Drucksache 19/8972, 03.04.2019. – S. 3–9.

¹ Ibid.

² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. – S. 6–12.

ционирование Германии, нацеленное на демонстрацию единства в том числе с бывшими европейскими метрополиями (Францией, а также Великобританией, Италией, Нидерландами) содействовало расщатыванию положительному образу ФРГ в деколонизированном и вновь деколонизирующемся мире [Дегтерев, 2023].

Важная характеристика последнего – *национализация* процесса урегулирования внутренних вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, в Африке севернее экватора. Практически на всех направлениях «западные демократии» продемонстрировали отсутствие эффективных методик по урегулированию, особенно в плане борьбы с международным терроризмом. Вместо этого государства – члены НАТО осуществляли лишь регулирование, т.е. поддержание на определенном уровне насилия и купирования радикальных незаконных вооруженных формирований (НВФ), но отнюдь не их полный разгром и полноценное обеспечение мира и безопасности. Хронологически затягиваясь, регулирование почти неизбежно вело к деградации обстановки, т.е. росту вспышек насилия, восстановлению неразгромленных НВФ; не происходила в разумные сроки передача нитей управления процессом по стабилизации от «западных демократий» как внешних игроков к дееспособным внешним силам [Алексеева, Трунов, 2022].

В такой ситуации национализация урегулирования означала принятие в нем ключевой нагрузки силами внутри страны происхождения конфликта, которые были готовы и в значительной мере способны достичь прогресса. Притом обычно данные внутренние акторы стремились избавиться от присутствия стран Запада, считая его неэффективным и даже контрпродуктивным. Примеры национализации: возвращение в пользу официального Дамаска ведущего влияния в Сирии по мере успехов по противодействию с ИГИЛ* с осени 2015 г. (момента включения в антитеррористическую борьбу России в кооперации с Ираном), приход к власти военных в Мали (в августе 2020 г. и в более полном виде в мае 2021 г.), Буркина-Фасо (в январе 2022 г.), Нигере (в июле 2023 г.) [Филиппов, 2023]. В этот ряд может быть поставлено и установление власти «Талибана»* в Афганистане на фоне экстренной эвакуации сил «западных демократий» из страны весной – летом 2021 г. [Новикова, 2022]. Как часть «коллективного» Запада, ФРГ демонстрировала критическое восприятие всех перечисленных сил,

геостратегически блокируясь с партнерами из числа бывших метрополий. Еще до начала вынужденной СВО России и уже на ее фоне официальный Берлин демонстрировал особенно жесткое отношение к сотрудничеству РФ с вновь пришедшими / усиливавшимися у власти в Сирии¹, Мали, Буркина-Фасо² силами, которые стремились к национализации урегулирования и тем – деколонизации в новых формах [Кузнецова, Кузнецов, 2022].

* * *

Отношение Германии к феноменам колониализма и деколонизации в целом выстраивалось в логике «колеи» подхода исторического, а затем и «коллективного» Запада, но вместе с тем имело свои особенности. Вопреки желаниям, Второй рейх не сумел построить колониальную систему, подобную британской или французской. Третий рейх разгромил ряд метрополий (прежде всего Францию), вынудил к стратегической обороне другую таковую – Великобританию, что ослабило их влияние в колониях. Однако начать активно действовать в них нацистская Германия не смогла из-за сковывания ее главных сил Красной армией. Все эти положения были невыгодны официальному Берлину на историческом этапе их свершения, однако имели положительное значение уже для ФРГ. Сосредоточенность на конфронтации Запад – Восток в Европе в период деколонизации Африки и Азии в конце 1940-х – 1970-е годы, до начала 2020-х годов определенное тактическое дистанцирование от бывших метрополий содействовали созданию достаточно благоприятного образа ФРГ в деколонизированном мире. Однако этот образ стал закономерно деградировать в условиях четко демонстрируемой принадлежности Германии к Западу в условиях его перехода к «сдерживанию» и противодействию оппонентам – как из числа мощных игроков не-Запада (в первую

¹ Außenminister Steinmeier zur Lage in Aleppo. Auswärtiges Amt. – 2016. – 16.12. – URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/161215-bm-lage-aleppo/286298> (дата обращения: 13.04.2024).

² Antrag der Bundesregierung. Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an der Multidimensionalen Integrierten Stabilisierungsmission der Vereinten Nationen in Mali (MINUSMA). – Deutscher Bundestag, 20. Wahlperiode. Drucksache 20/1761, 11.05.2022. – S. 6–12.

очередь России), так и национальным силам, стремящимся к национализации урегулирования (применительно к началу 2020-х годов в Сирии, а также Мали, Буркина-Фасо и Нигере). Тем самым официальный Берлин стал во многом открыто выступать против деколонизации в ее современных формах.

* *Запрещенная в Российской Федерации террористическая организация.*

Список литературы

- Абрамова И.О., Фитуни Л.Л. Второй саммит Россия – Африка: от наследия колониализма к суверенитету и развитию // Мировая экономика и международные отношения. – 2023. – № 12. – С. 35–48. – DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48.
- Алексеева Т.А., Трунов Ф.О. Страны Запада и борьба с угрозами нестабильности в Азии и Африке: теоретико-практические аспекты // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 18–49. – DOI: 10.31249/ape/2022.04.02.
- Ананьева Е.В. Правые силы в Британии // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 4. – С. 105–129. – DOI: 10.31249/ape/2023.04.06.
- Братерский М.В. Мир фрагментации на смену миру глобализации Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. – 2024. – № 1. – С. 18–41. – DOI: 10.31249/ape/2024.01.02.
- Вторая мировая война. Итоги и уроки / под гл. ред. Маршала Советского Союза С.Л. Соколова. – Москва : Военное изд-во, 1983. – 445 с.
- Дегтерев Д.А. К окончанию «постколониального момента» антиколониальной борьбы: контуры исследовательской программы // Постколониализм и современность. – 2023. – № 1. – С. 13–46. – DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.01.
- Дэвидсон Ф. Война по Вьетнаме (1946–1975 гг.). – Москва : Эксмо, Изографус, 2002. – 818 с.
- Ивкина Н.В. Культурно-гуманитарные отношения Германии и Намибии: опыт преодоления колониализма // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2022. – № 1. – С. 171–181. – DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181.
- Караганов С.А. От не-Запада к мировому большинству // Россия в глобальной политике. – 2022. – № 5. – С. 6–18. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18.
- Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Разворот России на глобальный Юг как фактор ее регионального развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – № 6. – С. 110–130. – DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06.
- Молчанов Н.Н. Генерал де Голь. – Москва : Международные отношения, 1988. – 480 с.

- Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 213–233. – DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.
- Сидоров А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 79–107. – DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.
- Сидоров А.С. Франция в поисках точки опоры в Ливии после Каддафи // Новая и новейшая история. – 2022. – № 2. – С. 132–144. – DOI: 10.31857/S013038640018568-2.
- Степанова Е.А. Вооруженные конфликты начала ХХI века: типология и направления трансформации // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 6. – С. 24–39. – DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39.
- Тимофеев П.П., Хорольская М.В. Подходы франко-германского тандема к взаимодействию с Турцией в очагах нестабильности Средиземноморья // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 134–159. – DOI: 10.31249/ape/2022.04.06.
- Турыгин А.А. Пангерманская агитация и Китай: о задачах германской колониальной политики в Китае в конце XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. – 2023. – № 3. – С. 18–27. – DOI: 10.17072/2219-3111-2023-3-18-27.
- Филиппов В.Р. Перспективы военного присутствия Пятой республики в Африке в контексте кризиса французского неоколониализма // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 2. – С. 102–122. – DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-102-122.
- Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Развивающиеся страны в новом уравнении посткризисного мироустройства // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – № 11. – С. 5–13. – DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13.
- Чернега В.Н. Франция и Германия: диалектика сотрудничества и соперничества // Актуальные проблемы Европы. – 2019. – № 4. – С. 158–171. – DOI: 10.31249/ape/2019.04.09.
- Lacher W. Macron als Spoiler in Libyen // Frankreichs Außen- und Sicherheitspolitik unter Präsident Macron / Kempin R. (Hrsg). – Berlin : Stiftung Wissenschaft und Politik, 2021. – S. 16–20.
- Tull D.M. UN Peacekeeping in Mali // SWP-Aktuell. 2019. – No. 23. – 4 p. – DOI: 10.18449/2019C23.

References

- Abramova I.O., Fituni L.L. (2023). Second Russia-Africa summit: from the legacy of colonialism to sovereignty and development. *World economy and international relations*, no. 12, pp. 35–48. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-12-35-48.
- Alekseeva T.A., Trunov Ph.O. (2022). Western countries and the struggle against instability in Asia and Africa: theoretical and practical aspects. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 18–49. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2022.04.02.
- Ananieva E.V. (2023). Right-wing forces in the UK. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 105–129. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2023.04.06.

- Bratersky M.V. (2024). The world of fragmentation is changing the world of globalization. *Current problems of Europe*, no. 1, pp. 18–41. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2024.01.02.
- Davidson Ph. (2002). *The history 1946–1975 Vietnam at war*. Moscow: Eksmo, Izografus, 818 p. (In Russ.)
- Degterev D.A. (2023). To the end of the ‘postcolonial moment’ of the anti-colonial struggle: outlines of the new research program. *Postcolonialism and contemporary world*, no. 1, pp. 13–46. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.01.
- Filippov V.R. (2023). Prospects for the Fifth Republic’s military presence in Africa in the context of the crisis of French neocolonialism. *Pathways to peace and security*, no. 2, pp. 102–122. (In Russ.) DOI: 10.20542/2307-1494-2023-2-102-122.
- Fituni L.L., Abramova I.O. (2022). Developing countries in the new equation of the post-crisis world order. *World economy and international relations*, no. 11, pp. 5–13. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66-11-5-13.
- Ivkina N.V. (2022). Cultural and humanitarian relations between Germany and Namibia: experience of colonialism overcoming. Herald of Omsk university. *Series Historical studies*, no. 1, pp. 171–181. (In Russ.) DOI: 10.24147/2312-1300.2022.9(1).171-181.
- Karaganov S.A. (2022). From the non-West to the world majority. *Russia in global affairs*, no. 5, pp. 6–18. (In Russ.) DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-5-6-18.
- Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V. (2022). Russia’s pivot to the global South as a factor of its regional development. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*, no. 6, pp. 110–130. (In Russ.) DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06.
- Lacher W. (2021). Macron als Spoiler in Libyen. *Frankreichs Außen- und Sicherheitspolitik unter Präsident Macron*. Kempin R. (Hrsg). Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik, S. 16–20. (In German)
- Molchanov N.N. (1988). General de Gaulle. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 480 p.
- Novikova O.N. (2022). Britain’s Fourth Afghan war. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 213–233. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2022.04.09.
- Second World War. The results and the lessons. Under the main editorship of Marshal of the Soviet Union S.L. Sokolov (1983). Moscow: Military Publishing, 445 p. (In Russ.)
- Sidorov A.S. (2022 a) France in search of a foothold in post-Gaddafi Libya. *Modern and contemporary history*, no. 2, pp. 132–144. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013038640018568-2.
- Sidorov A.S. (2022 b). The military-political balance of France’s capabilities in the Sahel: stages and mechanisms of exit from the theater of operations. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 79–107. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2022.04.04.
- Stepanova E.A. (2020). Armed conflicts in the early 21st century: typology and directions of transformation. *World economy and international relations*, no. 6, pp. 24–39. (In Russ.) DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-6-24-39.

- Tchernega V.N. (2019). France and Germany: The dialectics of cooperation and competition. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 158–171. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2019.04.09.
- Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. (2022). Approaches of the Franco-German tandem to interaction with Turkey in the hotbeds of instability in the Mediterranean. *Current problems of Europe*, no. 4, pp. 134–159. (In Russ.) DOI: 10.31249/ape/2022.04.06.
- Turygin A.A. (2023). Pan-German propaganda and China: the aims of German colonial policy in China in the late 19th – early 20th centuries. *Perm university herald. History*, no. 3, pp. 18–27. (In Russ.) DOI: 10.17072/2219-3111-2023-3-18-27.
- Tull D.M. (2019). *UN Peacekeeping in Mali*. *SWP-Aktuell*, no. 23, 4 p. DOI: 10.18449/2019C23.

ИСЛАМИЗМ В АЛЖИРЕ: ЭПОХА ПРЕЗИДЕНТА БУТЕФЛИКИ

Борис Васильевич ДОЛГОВ

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра арабских исследований Института востоковедения РАН;
ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки
Института научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
117997, ул. Профсоюзная, 23, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: dolgov.boris@list.ru
ORCID: 0000-0001-6541-5862

Статья поступила в редакцию 27.04.2024

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению развития исламистского движения в Алжире. Рассматриваются и анализируются глубинные причины усиления влияния исламистской идеологии и развития исламистского движения в стране в конце 1980-х – 2020-х годах. Выявляются факторы радикализации исламистских сил, обусловивших длительное вооруженное противостояние радикальных исламистских группировок с властями. Основное внимание уделено периоду правления президента Абдельазиза Бутефлики, руководству которого удалось подавить радикальный исламизм. Рассматриваются также развитие политической ситуации в Алжире после ухода от власти А. Бутефлики в 2019 г., избрание нового руководства и роль исламистских сил на современном этапе.

Ключевые слова: исламистское движение, Алжир, системный кризис, вооруженное противостояние.

ISLAMISM IN ALGERIA: EPOCH OF PRESIDENT BOUTEFLIKA

Boris V. DOLGOV

Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher
Center for Arab Studies, Institute of Oriental Studies RAS;
Leading Researcher of the Department of Europe and America
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)
117997, Profsoyuznaya Street, 23, Moscow, Russian Federation
E-mail: dolgov.boris@list.ru
ORCID: 0000-0001-6541-5862

Received 27.04.2024

Abstract. The article is devoted to examine the development of Islamist movement in Algeria. The deep causes of increasing influence of Islamist ideology and development of Islamist movement in the country in the end of the years of 1980–2020 are examined and analyzed. The factors of radicalization of Islamist forces, which caused the long armed confrontation of radical Islamist groups against Algerian authorities are exposed. The main attention is allotted to analyze the period of president Abdelaziz Bouteflika government, what can suppress the radical Islamism. The development of political situation in Algeria after leaving Bouteflika of rule in the year of 2019, election a new leader-ship and the role of Islamist forces at the new age are examined too.

Keywords: Islamist movement, Algeria, system crisis, armed confrontation.

В Алжире в конце 1980-х – 1990-х годах сформировалось самое массовое и влиятельное в арабо-мусульманском мире на тот период исламистское движение – Исламский фронт спасения (ИФС). Его радикализация спровоцировала многолетнее вооруженное противостояние с алжирскими властями, продолжавшееся с 1992 до начала 2000-х годов. Успех в борьбе с радикальным исламизмом во многом был обусловлен умелой политикой президента Абдельазиза Бутефлики (1937–2021). В основном подавленные отдельные исламистские группировки, тем не менее, действуют в Алжире до настоящего времени.

Алжир на рубеже 1980–1990-х годов переживал системный кризис, обусловленный целым комплексом факторов. Во-первых, обострением социально-экономических проблем, связанных с падением мировых цен на углеродные энергоносители, уменьшением

доходов от их экспорта и, соответственно, снижением финансирования социальной сферы, а также во многом с переходом на рыночную систему экономики. Дающая определенный макроэкономический эффект, она тем не менее имеет и негативные последствия. А именно, рост безработицы, так как приватизированные предприятия становятся более рентабельными, но излишняя рабочая сила пополняет армию безработных, происходит рост цен, которые не регулируются государством и зависят от рыночной конъюнктуры, что ведет к увеличению числа неимущих, расслоению и определенной дестабилизации общества. Во-вторых, отказ от ранее реализовавшейся политики социалистической ориентации, дававшей реальный социально-экономический эффект, обуславливавший подъем уровня жизни населения и совместимой, по заявлению ее идеологов с исламом и исламской социальной справедливостью. Так, по социально-экономическим показателям Алжир в 1970-е годы был на уровне, а иногда и превосходил страны Южной Европы.

Важным фактором, повлиявшим на данную политico-идеологическую переориентацию Алжира, так же как и ряда других развивающихся стран, стало крушение социалистического лагеря, распад СССР и, соответственно, значительное снижение в целом влияния социалистической идеи в мире. Последовавший за этим переход Алжира к рыночной экономике и либерализации общественно-политической жизни, предполагавшей введение многопартийности и появление новых СМИ, критиковавших предыдущий период развития страны, привел к возникновению некоего идеологического вакуума. Он также был обусловлен тем, что часть алжирского общества не восприняла нового идеологического курса властей, рассматривая его как противоречащего мусульманским традициям и образу жизни. Усиливавшееся вследствие вышеуказанных причин обострение социально-экономических проблем, рост коррупции и расслоение общества способствовали тому, что данный идеологический вакuum стал заполняться исламистской идеологией.

ИФС, сформировавшийся на волне демократизации, стал главной политической силой, провозглашавшей исламистские доктринальные концепции. Председатель ИФС Аббаси Мадани подробно аргументировал необходимость создания исламского государства, которое, по его риторике, станет самым справедли-

вым, так как оно будет построено на основе Корана, «ниспосланного Аллахом». Исламистские идеологи заявляли о мессианском и непрекращающем характере своего движения. Лидеры ИФС утверждали, что «не являются просто одним из многих политических течений, которые эфемерны, а они вечны, поскольку выполняют священную миссию – построить исламское государство, которое станет подлинным результатом исторического развития, а не воспроизведением какой-либо импортированной модели общества» [Аль-Мункыз, 1989, с. 6]. В свою очередь заместитель председателя ИФС Али Бенхадж считал создание исламского государства в Алжире лишь этапом на пути достижения стратегической цели, которую он определял, как «воссоздание исламского халифата, который должен стать духовной отчизной всех мусульман мира» [Аль-Ватан аль-Арабий, 1990, с. 7]. Али Бенхадж, наделенный ораторским талантом и определенной харизмой, привлекал на свои пятничные проповеди и проводившиеся затем митинги тысячи сторонников ИФС.

Большинство из них составляла безработная или частично безработная молодежь, так называемые *хиттисты*¹, а также студенты и выпускники вузов, не имевшие возможности в условиях продолжающегося экономического кризиса найти работу. Эта группа населения была наиболее восприимчивой к лозунгам исламистов и видела в провозглашавшихся ими радикальных мерах по переустройству общества на основе «справедливых законов шариата» быстрый путь решения своих проблем. Наряду с неимущими слоями социальную базу ИФС составили также те представители мелкой буржуазии и интеллигенции, которые исповедовали идеологию исламского фундаментализма. В исламистах они видели силу, способную противостоять вестернизации, грозившей, по их мнению, утратой Алжиром традиционных мусульманских морально-этических норм и образа жизни. ИФС сумел привлечь в свои ряды значительную часть алжирского общества и стал самой массовой и влиятельной политической партией.

¹ Слово *хиттист* является своеобразным сленгом, происходящим от слияния двух слов: *хитт* – стена (алжирский диалект араб. яз.) и французского суффикса – ист (ist) и означает «человек, стоящий у стены». Хиттистами называли молодых безработных, которые весь день проводили на улице, «подпирая стены» в ожидании какой-либо работы.

В результате первого тура парламентских выборов в Алжире в декабре 1991 г. ИФС одержал значительную победу, завоевав 188 депутатских мест из 231, за которые шла борьба в первом туре. В то же время проправительственная партия Фронт национального освобождения (ФНО) потеряла общественную поддержку, получив всего 15 мест [Keith Sutton; Ahmed Aghrour, 1992]. Оставшиеся депутатские места распределили между собой менее влиятельные партии, участвовавшие в выборах. Во втором туре, назначенному на январь 1992 г., согласно закону о выборах должны были быть избраны остальные 199 депутатов (всего в алжирский парламент избиралось 430 депутатов). Таким образом, ИФС достаточно было получить во втором туре всего 28 депутатских мест, чтобы завоевать абсолютное большинство в парламенте (216 депутатов из общего числа в 430). Это позволило бы ИФС в соответствии с законодательством поставить вопрос о пересмотре конституции, что, в свою очередь, давало возможность воплотить в жизнь программу ИФС, т.е. провозгласить Алжир исламским государством.

В свою очередь, в среде военных росло недоверие к президенту Шадли Бенджедиду, особенно после его неофициальной встречи с Аббаси Мадани, в ходе которой президент говорил о возможности сотрудничества с ИФС. В конце декабря 1991 г. под руководством министра обороны Халеда Наззара состоялось совещание высшего командного состава алжирской армии, в котором участвовали также командующий силами жандармерии Бен Аббас и руководитель службы военной контрразведки Мухаммед Медъен. Участники совещания подтвердили, что «Алжир находится в опасной политической ситуации, которая требует нерушимой сплоченности армии, являющейся гарантом территориальной целостности страны и конституционного порядка» [Jeune Afrique, 2000, р. 56]. Результатом совещания стало решение о принятии безотлагательных мер для недопущения прихода к власти исламистов и создания в Министерстве обороны рабочей группы из высших офицеров для выработки плана конкретных действий. Затем, 6 января 1992 г., министр обороны Халед Наззар передал президенту Шадли Бенджедиду петицию с требованием уйти в отставку, подписанную 181 высшим офицером. Шадли Бенджедид, потеряв поддержку армии и силовых структур, вынужден был официально объявить о своей отставке, предварительно распустив своим указом

парламент. Для недопущения возможных беспорядков в столицу были введены войска и бронетехника, которые взяли под охрану все стратегические объекты в городе. В этот же день 12 января 1992 г. на заседании Высшего совета безопасности (ВСБ) был создан коллегиальный орган – Высший государственный совет (ВГС), который взял на себя функции президентской власти.

В связи с непрекращавшимися столкновениями между силами правопорядка и исламистами 9 февраля 1992 г. в стране было введено чрезвычайное положение. ИФС, обвиненный в попытке организовать мятеж против государственной власти, был официально распущен, и его деятельность запрещена. Вслед за этим последовали массовые аресты активистов ИФС (по официальным данным было взято под стражу 7 тыс., по данным ИФС – до 30 тыс. человек), которые депортировались в пять созданных в районе Сахары лагерей безопасности.

После запрета ИФС начался процесс радикализации исламистского движения и перехода в нем инициативы к лидерам, привозглашавшим вооруженный *джихад* в качестве единственного способа создания исламского государства. Они сформировали к 1992 г. ряд относительно малочисленных и разрозненных организаций боевиков. Данные экстремистские группировки, насчитывающие в общей сложности около 2 тыс. боевиков [El-Moudjahid, 1993], совершали террористические акты против представителей власти, сотрудников правоохранительных органов и государственных учреждений. Армейские подразделения, в свою очередь, регулярно проводили операции по уничтожению боевиков.

С целью координации действий и создания единого командования лидеры боевиков дважды проводили секретные совещания. Первое состоялось весной 1992 г. в районе горного массива Збарбар (примерно в 100 км к востоку от г. Алжир) и второе – 1 сентября 1992 г. там же, недалеко от г. Тамесгид. О втором совещании стало известно алжирским силовым структурам, которые в результате проведенной операции уничтожили часть боевиков и их руководителей. Однако одному из наиболее известных лидеров, Абд аль-Хакку Лайаде, удалось объединить большинство боевиков в единую организацию. Она получила название «Вооруженные исламские группы» (ВИГ) и стала наиболее экстремистски настроенной группировкой в составе алжирской радикальной исла-

мистской оппозиции. Именно ВИГ осуществляли наиболее варварские террористические акции, направленные против мирного населения. В ВИГ наряду с *салафитами*¹, входили приверженцы таких фундаменталистских течений, как *кутбисты* (последователи радикального исламистского идеолога Сейида Кутба) и *такфиристы* (*такфир* (араб. яз.) – обвинение в неверности исламу). Такфиристы обвиняли в отступничестве от подлинного ислама всех алжирцев, за исключением своих сторонников. В свою очередь находившиеся на нелегальном положении лидеры ИФС также организовывали свои вооруженные группы. Не желая делать это совместно с ВИГ, созданная за пределами Алжира Исполнительная инстанция ИФС за рубежом (ИИИР) объявила о создании Исламской армии спасения (ИАС) как вооруженного крыла ИФС. ИАС находилась под командованием двух полевых командиров (национальных эмиров) – Мадани Мезрага, чьи отряды базировались на востоке страны, и Ахмеда Бен Аиши, который контролировал западные области Алжира [Denaud, 1997, р. 51]. ИАС начала вести вооруженную борьбу с властями в противовес ВИГ. При этом лидеры ИФС осуждали наиболее жестокие террористические акции ВИГ, в частности, убийства мирных жителей и иностранцев. Эмиры ВИГ в свою очередь резко критиковали руководителей ИФС за то, что те «отказались сразу взять в руки оружие и объявить джихад неверной власти» [Kepel, 2000, р. 271]. Впоследствии взаимная вражда между ИАС и ВИГ перешла в открытые вооруженные столкновения между ними.

ВИГ в середине 1990-х годов проводили террористические акции против всех, кто так или иначе был связан с властями. В числе жертв ВИГ были преподаватели высших учебных заведений, писатели, профсоюзные и общественные деятели, журналисты, члены семей военнослужащих и силовых структур и бойцов, сформированных властями комитетов самообороны. Несмотря на противостояние с ИФС, один из эмиров ВИГ Шериф Гузми стремился объединить под своей эгидой все вооруженные исламистские силы, в том числе и те, которые поддерживали ИФС. В мае

¹ Салафиты (*салаф салих* – праведный предок – араб. яз.) – общее название мусульманских религиозных деятелей, которые в различные периоды истории ислама выступали с призывами ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины, «праведных предков» [Ислам, 1991, с. 204].

1994 г. он заключил с главой «кризисной ячейки» ИФС Абд ар-Разаком Раджамом соглашение о формировании объединенного руководства. Претворению в жизнь этого соглашения помешала успешная операция алжирской военной контрразведки по ликвидации Шерифа Гузми в сентябре 1994 г. В то же время его преемник эмир ВИГ Джамиль Зетуни перенес террористическую деятельность на территорию Франции, начало которой было положено захватом в декабре 1994 г. в марсельском аэропорту самолета со 170 пассажирами. Террористические акты во Франции продолжались почти год. Наиболее кровавыми из них были взрывы в парижском метро, в результате которых погибло семь и было ранено около ста человек [Basbous, 2000, р. 158].

В свою очередь, один из членов руководства ВИГ, сторонник отказа от такфиризма Хасан Хаттаб, вышел из ВИГ и создал свою собственную вооруженную группировку – Салафитскую группу проповеди и борьбы (СГПБ). Согласно ряду источников, Хасан Хаттаб пользовался поддержкой таких известных исламистских лидеров, как Усама Бен Ладен и Абу Катада. Впоследствии СГПБ присягнула на верность руководству Аль-Каиды, и под названием Аль-Каида исламского Магриба (АКИМ) продолжает действовать до настоящего времени в горных районах Алжира и сопредельных регионах.

Алжирская армия и службы безопасности вели активную борьбу против исламистского терроризма. В 1990-х годах в Алжире, по официальным алжирским данным, действовали примерно от 6 до 8 тыс. исламистских боевиков (по данным французских исследователей – до 40 тыс. боевиков), объединенных в небольшие группы по 7–14 человек, и отряды численностью от 20 до 80 бойцов. Им противостояло 17 бригад и отдельных батальонов 120-тысячной алжирской армии. С исламистами также боролись отряды комитетов самообороны. Тем не менее несмотря на многократное превосходство в численности и вооружении и достаточную результативность армейских операций против боевиков¹, алжирским

¹ Так, например, в марте 1995 г. 160 полевых командиров ВИГ, собравшихся на секретное совещание в горном районе на западе Алжира, были уничтожены алжирскими спецслужбами. Свыше 200 боевиков ВИГ были ликвидированы в результате успешной операции алжирской армии в мае 1996 г. вблизи

властям на протяжении 1990-х годов не удалось подавить вооруженную исламистскую оппозицию.

Не вызывает сомнений, что многолетнее противостояние с властями и развернутый исламистскими экстремистами террор как в Алжире, так и за его пределами не могли бы продолжаться столь долгое время, если бы им не оказывалась помощь из-за рубежа различными международными организациями, исповедовавшими идеи джихада. Они представляли собой различные фонды и ассоциации, формировавшиеся в основном на финансовые средства Саудовской Аравии и США. Эти организации оказывали помощь боевикам, воевавшим в Афганистане против пытающегося реализовать социалистическую доктрину правительства Наджибуллы и поддерживавших его советских войск. В их ряды вступали, как правило, граждане мусульманских стран, в том числе Алжира. Многие из них были членами экстремистских исламистских группировок, которые также рассчитывали использовать сложившуюся ситуацию для получения финансовой помощи от вышеуказанных акторов, заинтересованных в свержении просоветского режима в Афганистане. Определенную негласную поддержку алжирским экстремистам из ВИГ оказывали марокканские власти, пытаясь использовать их для достижения своих целей в Западной Сахаре¹.

ВИГ, также как и ИФС, поддерживали неофициальные контакты с многочисленными исламскими организациями, легально действовавшими во Франции (в 1993 г. их насчитывалось более 2 тыс., и они были объединены в Союз исламских организаций Франции). Нередко в них непосредственно работали активные члены ИФС и ВИГ. В частности, организацию «Алжирское братство во Франции» создал и с 1990 г. возглавлял Джафар аль-Хуари,

г. Тлемсен. Из семи эмиров ВИГ – пять были уничтожены алжирской службой безопасности.

¹ Глава ВГС генерал Халид Наззар обвинял марокканские власти в том, что они специально задерживали в течение нескольких месяцев экстрадицию эмира ВИГ Абд аль-Хакка Лайаду, арестованного в Марокко по настоянию Алжира, и не принимали мер по пресечению деятельности алжирского ВИГ на территории Марокко. Во французской прессе появлялись материалы, утверждавшие, что Саид Мехлуфи, один из основателей Движения за исламское государство в Алжире, получивший политическое убежище в Марокко, являлся агентом марокканских спецслужб [Le Matin, 1994].

член руководства ИФС за рубежом. Наряду с Аль-Каидой, которая существовала нелегально, в европейских странах на легальной основе в середине 1990-х годов действовал целый ряд крупных исламистских организаций. Свои отделения в Лондоне имели исламистские Партия освобождения, Исламская лига борцов и ряд других организаций, которые регулярно проводили сбор средств для «борцов джихада», в том числе для алжирских ВИГ.

Наряду с этим Лондон в середине 1990-х годов, по определению французского исследователя Жиля Кепеля, стал «столицей международного исламизма». Здесь действовало около 4 тыс. исламских ассоциаций, издававших 30 газет и журналов. Сюда эмигрировали многие известные деятели различных исламистских партий и движений, пользуясь достаточно либеральной в тот период процедурой получения въездной визы. Причем некоторые получили даже статус политического беженца. В Лондоне проживали Рабах Кабир и Джраф аль-Хуари, руководители Исполнительной инстанции ИФС за рубежом (ИИИР). В Бельгии также в качестве политического беженца находился Улд Адда Абд аль-Крим, ответственный за связи с прессой в ИИИР. Некоторые исламистские партии и их руководители, находившиеся на положении политических беженцев, получили возможность издавать и распространять свои печатные издания. К их числу относились орган алжирского и международного салафитского движения «Аль-Ансар», еженедельник Алжирского братства во Франции «Ле Критэр», регулярно публикавшие пропагандистские материалы ИФС и ВИГ. Вместе с тем многие зарубежные центры исламистских организаций, в том числе ИФС, имели ВЭБ-страницы в Интернете, которые активно использовались ими для своей пропаганды.

Таким образом, в 1990-х годах в Алжире сложилась ситуация, когда власти не смогли подавить силовыми методами радикальную исламистскую оппозицию, и в тоже время исламисты не смогли заставить правящий режим признать их легитимной политической силой и, тем более, они не были способны прийти к власти вооруженным путем. Бесперспективность продолжения вооруженного противостояния становилась очевидной для большей части алжирского политического истеблишмента и для наиболее pragматичных исламистских лидеров. К ним относился и «национальный эмир» ИАС Мадани Мезраг, начавший переговоры с

командованием алжирской армии. В результате подписанного соглашения о перемирии ИАС, самая крупная исламистская группировка (насчитывавшая до 6 тыс. боевиков) прекращала вооруженное противостояние с властями и начинала совместно с алжирской армией борьбу против ВИГ. Таким образом, армейское командование решило стратегическую задачу – не допустить объединения вооруженной исламистской оппозиции и использовать для ее подавления ее же различные группировки, воевавшие между собой.

Новым президентом Алжира в 1999 г. был избран Абдельазиз Бутефлика, набрав 73,79% голосов избирателей [Journal Officiel ..., 1999], пользовавшийся безусловной поддержкой армии и всех силовых структур. Так, предвыборным штабом Бутефлики руководил генерал Ларби Бельхейр, один из самых влиятельных высших офицеров в алжирской армии. В ближайшее окружение Бутефлики входили видные военные и руководители службы безопасности, с которыми его связывали давние служебные и личные отношения.

Одними из первых шагов нового президента стало официальное признание заключенного между руководством алжирской армии и ИАС перемирия и обнародование закона «О восстановлении гражданского согласия», который включал положение об амнистии всех участников исламистского движения, «чьи руки не запятнаны кровью». Согласно закону, лицам, выразившим «чисто-сердечное раскаяние и желание прекратить террористическую деятельность, гарантировалась возможность реадаптироваться в гражданское общество» [Projet de loi ..., 1999]. Принятие этого закона и предпринятые на его основе меры привели к существенному ослаблению вооруженного противостояния исламистской оппозиции с властями. ИАС в соответствии с условиями перемирия начала проводить совместные с алжирской армией операции против ВИГ и после их подавления была расформирована. Значительное число боевиков ВИГ и СГПБ-АКИМ, воспользовавшись законом об амнистии, начали сдаваться властям (к середине января 2000 г. сдалось около 1800 боевиков из их общего числа в 3 тыс.) [Долгов, 2004, с. 172]. В то же время обострилась борьба за лидерство между эмирами ВИГ и СГПБ-АКИМ. Все эти факторы способствовали дезорганизации радикальной исламистской оппозиции, уменьшению числа боевиков в ее рядах и сокращению ко-

личества совершаемых ею террористических акций. Начавшийся в 1992 г. период активного вооруженного противостояния радикальных исламистских сил с алжирскими властями завершился к началу 2000-х годов. Это противостояние стоило жизни около 200 тыс. алжирских граждан, более 400 тыс. алжирцев вынуждены были покинуть Алжир, спасаясь от исламистского террора.

Абдельазиз Бутефлика руководил Алжиром с 1999 по 2019 г. (четыре президентских мандата). За время его руководства ситуация в Алжире во многом стабилизировалась. Если в середине 1990-х годов целые области страны контролировались исламистскими боевиками, то со второй половины 2000-х значительно ослабленные исламистские группировки ВИГ и СГПБ-АКИМ могли действовать только в отдаленных горных районах Алжира. Единственной их значительной террористической акцией стал осуществленный АКИМ захват в качестве заложников и гибель нескольких десятков иностранных специалистов на нефтегазовом комплексе Ин Аменас на востоке Алжира. При этом, оценивая будущность исламистского движения, известный алжирский общественно-политический деятель и журналист Мухаммед Шафик Месбах заявил, что «влияние исламистов может сократиться до минимума, если в государственной системе наладится эффективное управление и будут решаться социально-экономические проблемы» [Mesbah, 2009, p. 284]. Дальнейшая политика алжирского руководства вывела Алжир из относительной международной изоляции, в которой он находился в период правления возглавлявшегося военными ВГС. Алжирская экономика показывала в 2000-е годы достаточно стабильный рост ВВП в пределах 4–6% в год¹.

В то же время в Алжире оставались социально-экономические проблемы, аналогичные тем, которые стали одной из причин протестных выступлений Арабской весны в 2010–2011 гг. в Тунисе и Египте. А именно, коррупция властей, высокий процент безработицы, особенно среди молодежи, и снижение уровня жизни. Наряду с продолжавшимся расслоением общества обострение этих проблем стало причиной в 2011 г. демонстраций с требованиями улучшения условий жизни. Тем не менее радикальным исламист-

¹ L'économie de l'Algérie // Algerianembassy. – URL: <http://www.algerianembassy.ru> (дата обращения: 19.03.2008).

ским группировкам в Алжире не удалось воспользоваться протестными выступлениями в 2011 г. и дестабилизировать ситуацию в стране. В то же время существовавшие проблемы и стремление правящей группировки, сформировавшейся вокруг президента Абдельазиза Бутефлики, продолжать оставаться у власти путем выдвижения его кандидатуры на пятый президентский мандат вызвали массовые протестные манифестации. В результате накануне президентских выборов 2019 г. в ходе массовых протестов находившийся у власти с 1999 г. президент Абдельазиз Бутефлика вынужден был отказаться от баллотирования и уйти от власти. Новым президентом в декабре 2019 г. был избран Абдельмаджид Теббун, бывший премьер-министр, и тем не менее выступавший как независимый кандидат. После своего избрания А. Теббун на фоне массовых манифестаций оппозиционного движения *Хирак* (Движение – араб. яз.), созданного в 2019 г., инициировал проведение конституционной реформы, и в июне 2021 г. были проведены досрочные парламентские выборы. По их результатам партии, представлявшие прежнюю властную элиту – Фронт национального освобождения (ФНО) и Национально-демократическое объединение (НДО), тем не менее получили наибольшее число мандатов, соответственно 98 и 58. В то же время ФНО и НДО уже не имели абсолютного большинства в парламенте (новый парламент состоит из 407 депутатских мест). Значительно усилила свои позиции умеренно-исламистская партия Движение общества за мир (ДОМ), получив 65 мест, наряду с независимыми кандидатами, завоевавшими 84 места. Парламентские выборы 2021 г. характеризовались чрезвычайно низкой явкой избирателей – 23,02%¹. Соответственно, на выборах в 2012 г. она составляла 43,14% и в 2017 г. – 35,37%². Низкий уровень явки избирателей на парламентских выборах 2021 г. был во многом обусловлен их бойкотом наиболее массовым оппозиционным движением *Хирак*, а также бойкотом выборов со стороны части жителей (этнических кабилов) района

¹ Résultats des élections législatives de 2021 en Algérie / ObservAlgerie. – 2021. – 16.06. – URL: <https://observalgerie.com/2021/06/15/politique/resultats-elections> (дата обращения: 18.03.2023).

² Algeria. Al-Majlis Al-Chaabi Al Watan / PARLINE database on national parliaments. – 2017. – 15.11. – URL: <https://www.archive.ipu.org/praline-e/reports/> (дата обращения: 18.03.2023).

Большой Кабилии, среди которых были распространены сепаратистские настроения.

Во внешней политике новое руководство Алжира во многом сохраняет преемственность с проводившимся ранее курсом. Алжир развивает экономическое и политическое сотрудничество с Кубой, руководитель которой совершил сюда официальный визит в 2022 г., занимает дружественную позицию по отношению к России, рассматривает возможность вступления в БРИГС. В то же время такая алжирская внешняя политика вызывает негативную реакцию со стороны США, которые угрожают ввести против Алжира санкции.

Важным событием для Алжира явился первый после окончания пандемии COVID-19 саммит Лиги арабских государств (ЛАГ), состоявшийся в Алжире 1–2 ноября 2022 г. На нем затрагивались важные вопросы, связанные с энергетическими ресурсами, палестинской проблемой, усилением региональной роли Ирана и Турции, а также возможностью возвращения в ЛАГ Сирии во главе с Башаром Асадом. Для Алжира, роль которого в ЛАГ и в целом в региональной и глобальной политике в определенной степени снизилась в связи с болезнью президента Абдель Азиза Бутефлики и последующим его уходом от власти в 2019 г., саммит ЛАГ означал возвращение страны в качестве значимого актора на международной арене. Тем не менее на саммит прибыли представители только трети стран, входящих в ЛАГ. Королевство Саудовская Аравия (КСА) и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) бойкотировали саммит. Не участвовал в саммите также король Марокко. Однако руководители таких значимых арабских стран, как Египет, Кувейт, Тунис и Катар прибыли на саммит, посчитав, что он дает возможность обсудить вопросы арабского сотрудничества, которое может развиваться даже на фоне существующих противоречий. В свою очередь, министр иностранных дел Алжира Рамтан Ламамра назвал естественным и необходимым возвращение Сирии в ЛАГ, подчеркнув, что возможности, которыми обладает Сирия, имеют дополнительную ценность для совместных арабских действий¹. Сирия возвратилась в ЛАГ в качестве полноправного члена в 2023 г.

¹ Bachar Al-Assad / Le Monde. – 2022. – 11.01. – URL: <https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/11/01> (дата обращения: 18.03.2023).

После отставки президента Бутефлики ряд государственно-политических деятелей и представителей бизнеса из его окружения были привлечены к судебной ответственности. Тем не менее в развитии социально-экономической и общественно-политической ситуации в Алжире значительную исторически сложившуюся роль продолжает играть армия. В то же время возросло влияние оппозиционных политических сил, в особенности являвшейся отделением Братьев-мусульман в Алжире умеренно-исламистской партии Движение общества за мир (ДОМ) и движения Хирак, в котором также усиливается роль исламистских групп. Сторонники Хирак продолжали протестные выступления и против новоизбранного президента А. Теббуна, определяя его как представителя прежней правящей элиты, в которой определяющее влияние имела армия. При этом Хирак выступает, согласно ее риторике, за полное обновление и демократизацию государственно-политической системы Алжира. Между тем в движении Хирак начинают все более активно действовать представители организации *Rashad* (Правильность – араб. яз.). Организация Рашад, по утверждениям ее лидеров, исповедует умеренно-исламистские концепции. Тем не менее президент Теббун, одновременно занимающий пост министра обороны, выступая на заседании Высшего совета безопасности Алжира в начале апреля 2021 г., назвал Рашад незаконным движением, близким к террористам и занимающимся подрывной деятельностью. По сообщениям ряда СМИ, движение Рашад имеет контакты с бывшими членами руководства ИФС, запрещенного в Алжире с 1992 г. Большинство руководителей Рашад находятся за пределами Алжира, власти которого санкционировали их арест¹.

¹ Один из основателей движения Рашад Мохамед Ларби Зитоут до 2021 г. проживал в Лондоне. В марте 2021 г. власти Алжира выдали международный ордер на его арест «за нарушения общественного порядка и государственной безопасности». Еще один руководитель Рашад Ахмед Мансури, бывший член ИФС, арестованный в 1990-х годах, а затем освобожденный, был повторно арестован в феврале 2021 г., согласно сообщениям алжирского информационного агентства APS, за его якобы руководящую роль в готовившемся антигосударственном заговоре и финансировании нелегальной деятельности Рашад. Двое других членов руководства Рашад, которые также были членами ИФС, находились в Женеве и Лондоне [Долгов, 2022, р. 184].

Тем не менее часть политического истеблишмента, поддерживающего оппозиционные силы, считает, что заявления властей относительно негативной деятельности Рашад, направлены на то, чтобы вызвать раскол внутри оппозиционного движения Хирак. Определенная поддержка, выражаемая в алжирском обществе оппозиции, во многом обусловлена нерешенностью тех же социально-экономических проблем, которые использовали исламисты, стремившиеся к власти в 1990-х годах.

Современный этап развития Алжира представляет собой некий переходный период. Он характеризуется стремлением нового руководства Алжира, в котором достаточно представлен истеблишмент эпохи президента А. Бутефлики, наладить контакты с силами оппозиции, протестные действия которой привели к смене алжирского руководства. В свою очередь исламистский сегмент оппозиции в настоящее время пользуется определенным влиянием среди незначительной части общества, большая часть которого считает исламистскую доктрину неприемлемой для Алжира, в особенности учитывая историческую память о «черном десятилетии» борьбы с радикальным исламизмом.

Список литературы

- Долгов Б.В. Исламистский вызов и алжирское общество. – Москва : Институт востоковедения РАН ; Институт изучения Ближнего Востока, 2004. – 274 с.
- Долгов Б.В. Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е гг. – Москва : ЛЕНАНД, 2022. – 300 с.
- Ислам : энциклопедический словарь. – Москва : Наука, 1991. – 315 с.
- Basbous A. L'Islamisme. Une révolution avortée? – Paris, 2000. – 283 с.
- Denaud P. Algérie. FIS. Sa direction parle. – Paris, 1997. – 318 p.
- Jeune Afrique. Paris, 2000. №. 2040.
- Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire. Alger, 16.04.1999.
- Kepel J. Expansion et declin de l'islamisme. – Paris, 2000. – 464 p.
- Le Matin. Paris, 25.09.1994.
- Mesbah Mohamed Chafik. Problématique Algérie. Le Soir de l'Algérie. Alger, 2009.
- Projet de loi sur le retablissement de la concorde civile // El-Moudjahid. Alger, 02.08.1999. Ch. 1. P. 1.
- Sutton K., Aghrour A. Multiparty Elections in Algeria: problems and prospects // Bulletin of Francophone Africa. – 1992. – №. 2.

Аль-Мункыз (*Спаситель*). Алжир, 1989. № 22.

Аль-Ватан аль-арабий (*Арабская родина*). Лондон, 27.07.1990.

El-Moudjahid (*Борец*). Alger, 23.11.1993.

References

- Basbous A. (2000). *L'Islamisme. Has a Revolution Awakened?* Paris, 283 p.
- Denaud P. (1997). *Algérie. FIS. Sa direction parle.* Paris, 318 p.
- Dolgov B.V. (2004). *The Islamist Challenge and Algerian Society.* Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Institute of Middle East Studies, 274 p. (In Russ.)
- Dolgov B.V. (2022). *The Islamist Movement in Algeria and Tunisia: 1970–2020s.* Moscow: LENAND, 300 p. (In Russ.)
- Islam. Encyclopedic Dictionary* (1991). Moscow: Nauka, 315 p. (In Russ.)
- Jeune Afrique* (2000). Paris, no. 2040.
- Journal Officiel de la République Algérienne Démocratique et Populaire.* Alger, 04.16.1999.
- Kepel J. (2000). *Expansion et declin de l'islamisme.* Paris, 464 p.
- Le Matin.* Paris, 09.25.1994.
- Mesbah Mohamed Chafik. *Problématique Algérie. Le Soir de l'Algérie.* Alger, 2009.
- Проект о возвращении гражданской конкордии. *El-Moudjahid.* Alger, 08.02.1999. Ч. 1. П. 1.
- Sutton K., Aghrour A. (1992). Multiparty Elections in Algeria: problems and prospects. *Bulletin of Francophone Africa*, no. 2.
- Al-Munkiz* (Savior – Arabic). Algeria, 1989, no. 22.
- Al-Watan al-arabiy* (Arab homeland – Arabic). London, 07.27.1990.
- El-Moudjahid* (Wrestler-Arabic). Alger, 11.23.1993.

**ОСКОЛКИ КОЛОНИАЛИЗМА
В НЕОКОЛОНИАЛЬНЫХ ДЕРЖАВАХ:
АРАБСКИЕ ДИАСПОРЫ В ВЕДУЩИХ ГОСУДАРСТВАХ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ**

Данила Сергеевич КРЫЛОВ

кандидат политических наук, научный сотрудник

Отдела Ближнего и Постсоветского Востока

Института научной информации по общественным наукам

Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, Нахимовский проспект, 51/21, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-код: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Статья поступила в редакцию 02.08.2024

Аннотация. Статья посвящена изучению места арабских диаспор в ключевых державах современной Европы. Даны оценка состоянию марокканской, алжирской, сирийской и иракской диаспор во Франции и Германии. В результате исследования сделан вывод, что большое количество и разнообразие арабских диаспор создают значительные трудности для европейских держав, которые, кроме того, не имеют реальных эффективных механизмов их ассимиляции и интеграции. При этом определено, что в связи с демократической миграционной политикой коренное население Евросоюза сегодня во многих областях, в частности демографической, существенно уступает диаспорам исламского мира.

Ключевые слова: арабы, Центральная Европа, алжирцы, марокканцы, сирийцы, иракцы, постколониализм, трансформация системы международных отношений, идейно-ценностный фактор.

SHARDS OF COLONIALISM IN NEO-COLONIAL POWERS: ARAB DIASPORAS IN LEADING STATES OF MODERN EUROPE

Danila S. KRYLOV

Candidate in Political Sciences

Research Fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East

Institute of Scientific Information for Social Sciences

of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

117418, Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: danila-krylov@yandex.ru

SPIN-code: 5422-5163

ORCID: 0000-0003-1982-4678

Received 02.08.2024

Abstract. The article is devoted to the study of the place of Arab diasporas in the key powers of modern Europe. The state of Moroccan, Algerian, Syrian and Iraqi diasporas in France and Germany is assessed. The study concludes that the large number and diversity of Arab diasporas create significant difficulties for European powers, which, in addition, have no real effective mechanisms for their assimilation and integration. At the same time, it was determined that due to the democratic migration policy, the indigenous population of the European Union today is significantly inferior to the diasporas of the Islamic world in many areas, in particular demographics.

Keywords: Arabs, Central Europe, Algerians, Moroccans, Syrians, Iraqis, post-colonialism, transformation of the system of international relations, ideological and value factor.

Арабская диаспора является одной из самых распространенных групп во всем мире, а также одной из самых сложных для определения. В отличие от большинства диаспор, арабы относятся не к одному государству, а к группе более чем из 20 государств, относительно близких в культурном и языковом отношении. Это Алжир, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Ирак, Йемен, Катар, Коморские Острова, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Объединенные Арабские Эмираты, Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Сирия, Сомали, Судан и Тунис.

Иммигранты-арабы в Европе отнюдь не составляют цельного культурного пространства и не образуют единого делового сообщества сетевого типа [Mainstreaming ... , 2019, p. 256]. Наиболее заметное разделение в арабской иммигрантской среде на-

блюдается по региональному признаку: диаспоры делятся на арабов африканских (Магриб) и ближневосточных (Машрик). При этом следует отметить, что мигранты из зоны Магриба, в основном из Марокко и Алжира, являются носителями не только разных диалектов арабского языка, но также частично берберского языка. Строго говоря, потомков коренных народов северо-запада Африки можно называть «арабами» с определенной долей условности и только в том случае, если они в достаточной степени ассимилировались с окружающей их арабской культурой до миграции.

Кроме того, политические конфликты на родине имеют свойство экстраполироваться на диаспоры в третьих странах. Так, в 2018 г. обозреватель палестинского происхождения из Дании Хасан аль-Аси отмечал, что сирийский кризис в значительной степени обострил и противопоставил сторонников разных политических мнений и позиций, вызвав противоречия и конфронтацию между представителями разных арабских диаспор в Европе [Al-Assi, 2018].

Исторически европейские державы всегда принимали беженцев, в том числе из арабских стран. Согласно данным Организации экономического сотрудничества и развития по состоянию на 2021 г., арабские диаспоры входили в тройку наиболее многочисленных: марокканцы в Бельгии, Испании, Италии и Нидерландах; марокканцы, алжирцы и тунисцы во Франции; сирийцы и иракцы в Швеции¹. Также выходцы из Сирии и Ирака встречаются в Германии.

Европейские страны на протяжении десятилетий проводили последовательную политику интеграции мигрантов и беженцев путем социальной поддержки, внедрения специальных образовательных программ, приобщения к европейским ценностям (политика мультикультурализма, или политика взаимного сосуществования культур). Однако череда социально-политических потрясений в ходе Арабской весны 2011 г. и последовавшая за ней цепь революций и гражданских войн, например в Сирии [Долгов, 2023], а

¹ Les chiffres clés de l'immigration 2022 // Direction générale des étrangers en France. – 2024. – 18.01. – Франц. яз. – URL: <https://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Etudes-et-statistiques/Chiffres-cles-sejour-visas-eloignements-asile-acces-a-la-nationalite/Les-chiffres-cles-de-l-immigration-2022> (date of access: 16.07.2024).

также миграционный кризис 2014–2016 гг. вызвали массовый приток новых иммигрантов. Это, в свою очередь, привело к коллапсу интеграционной системы Европы и оказало значительное негативное влияние на социально-политический расклад сил [Миграционный кризис … , 2016].

В силу многочисленности и разнообразия арабских диаспор в государствах современной Европы, в рамках данного исследования основной акцент будет сделан на двух центральных и ключевых в экономическом и политическом планах европейских континентальных державах: Франции и Германии.

Марокканская и алжирская диаспоры Франции

Возникновение и существование многочисленных арабских диаспор во Франции обусловлено множеством факторов, наиболее важным из которых является бывшее колониальное влияние Парижа на соседний регион Северной Африки. Алжир, Марокко и Тунис были в свое время французскими колониями, и за это время произошли значительные перемещения масс арабского населения. После обретения странами независимости (Тунис и Марокко в 1956 г., Алжир в 1962 г.) численность арабского населения в государствах Магриба резко возросла, что способствовало активизации передвижения людей и интенсификации миграционных потоков. Вместе с тем в связи с историческими связями Парижа с Сирией и Ливаном на территории Франции находится также большое число выходцев из арабского Машрика, хотя по численности их диаспоры все же уступают арабам Магриба.

По состоянию на 2022 г. во Франции проживает 7 млн иммигрантов, что составляет 10,3% от общей численности населения. Из них 2,5 млн (35% от общего числа) получили французское гражданство. По данным за 2022 г., 48,2% иммигрантов, проживающих во Франции, родились в Африке, 32,3% родились в Европе. Наиболее частыми странами рождения иммигрантов являются Алжир (12,5%), Марокко (11,9), Португалия (8,2), Тунис (4,7), Италия (4,0), Испания (3,5) и Турция (3,3)¹. Всего по состоянию

¹ L'essentiel sur… es immigrés et les étrangers // Institut national de la statistique et des études économiques. – 2023. – 10.07. – Франц. яз. – URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3633212> (date of access: 16.07.2024).

на 2022 г. на территории Французской Республики находятся 571 тыс. иммигрантов из Алжира и 747 тыс. выходцев из Марокко и Туниса. При этом речь идет о лицах, не имеющих французского гражданства¹.

Вместе с тем, согласно докладу «Ключевые показатели иммиграции на 2022 год» Главного управления по делам иностранцев во Франции, в 2020 г. в шести французских регионах доминирующей диаспорой были алжирцы, еще в четырех – марокканцы. При этом в каждом регионе по крайней мере одна арабская диаспора входила в тройку лидеров по численности². По оценкам Обсерватории иммиграции и демографии (*Observatoire de l'immigration et de la démographie*), по состоянию на 2015 г. Франция являлась домом для более чем 1,5 млн представителей марокканской диаспоры, из которых около 670 тыс. имели двойное гражданство [*Tribalat, 2015*]. Это основная национальность, получившая первые виды на жительство с 2018 г. (более 30 тыс. выдач в год). С принятием декрета 1976 г., устанавливающего право на воссоединение семей, первым основанием для иммиграции в Марокко становится семейный фактор, что намного опережает фактор поиска трудовой занятости. Масштабы и ускорение иммиграционных потоков из Марокко свидетельствуют о сложности в интеграции марокканцев во французское общество. Показательный пример: 42,7% марокканцев старше 15 лет, проживающие во Франции в 2016 г., были безработными или неактивными (т.е. не заняты ни на работе, ни в учебе, не имеют пенсии), что в три раза выше, чем у французов (14,1%)³. Кроме того, по статистике 70% женщин – потомков марокканских иммигрантов во Франции выходят замуж за супруга

¹ Répartition des étrangers par groupe de nationalités // Institut national de la statistique et des études économiques. – 2023. – 05.07. – Франц. яз. – URL: https://www.insee.fr/fr/statistiques/2381750#tableau-figure1_radio1 (date of access: 16.07.2024).

² Les chiffres clés de l'immigration 2022 // Direction générale des étrangers en France. – 2024. – 18.01. – Франц. яз. – URL: <https://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Etudes-et-statistiques/Chiffres-cles-sejour-visas-eloignements-asile-acces-a-la-nationalite/Les-chiffres-cles-de-l-immigration-2022> (date of access: 16.07.2024).

³ L'immigration en France, données du recensement 2017 // Ministère de l'Intérieur. – 2020. – 22.11. – Франц. яз. – URL: <https://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Actualites/Focus/L-immigration-enFrance-donnees-du-recensement-2017> (date of access: 16.07.2024).

марокканского происхождения, что является самым высоким показателем моноэтнических браков среди мигрантских сообществ после такового у турчанок [Les Turcs en France … , 2023].

Закон от 7 марта 2016 г. об иностранцах во Франции реформировал систему приема и интеграции иностранцев, впервые получивших разрешение на пребывание во Франции и желающих поселиться там на длительный срок. Был разработан индивидуальный курс республиканской интеграции сроком на пять лет, основой которого стал однолетний республиканский интеграционный контракт (CIR), продлеваемый по истечении двенадцати месяцев на аналогичный срок. Закон от 10 сентября 2018 г. усилил положения закона от 7 марта 2016 г. CIR подписывается всеми впервые прибывшими иностранцами, которые хотят обосноваться во Франции на длительный срок, после их взаимодействия с Министерством иммиграции, интеграции, национальной идентичности Франции¹.

По данным Главного управления по делам иностранцев, во Франции в 2021 г. среди всех иностранцев, подписавших CIR, были 9,7% марокканцев; 7,5 алжирцев; 6,7% тунисцев. В 2022 г. произошли некоторые относительные изменения: число марокканцев и алжирцев сократилось (9,4 и 6,0% соответственно), а доля тунисцев возросла до 8,9%².

В силу специфики французской национальной идентичности арабское сообщество Франции столкнулось с рядом проблем. Так, французское правительство заняло жесткую позицию против внедрения арабских культурных обычаяй, особенно тех, которые связаны с исламом. Акцент Франции на национальной идентичности, а не на культурно-религиозном наследии, обострил напряжен-

¹ La gouvernance de l'intégration des migrants en France // Commision Européene. – 2021. – Франц. яз. – URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/country-governance/la-gouvernance-de-l'integration-des-migrants-en-france_fr (date of access: 16.07.2024).

² Les chiffres clés de l'immigration 2022 // Direction générale des étrangers en France. – 2024. – 18.01. – Франц. яз. – URL: <https://www.immigration.interieur.gouv.fr/Info-ressources/Etudes-et-statistiques/Chiffres-cles-sejour-visas-eloignements-asile-acces-a-la-nationalite/Les-chiffres-cles-de-l-immigration-2022> (date of access: 16.07.2024).

ность в отношениях с арабским сообществом страны, которое переживает активную фазу кризиса идентичности.

Вместе с тем, несмотря на развитое законодательство, оно имеет довольно слабый уровень реализации на практике. Современная Франция сталкивается с серьезными социально-экономическими проблемами, связанными с затрудненной адаптацией мусульманских мигрантов, которые тем временем вполне успешно ассимилируют местное насилие под свои традиции и ценности. В результате ситуация в иммиграントских мусульманских районах становится крайне неблагополучной. Высокая безработица вкупе с солидными социальными пособиями и низкой арендной платой за социальное жилье приводят к отсутствию стремления интеграции во французское общество и созданию собственных неформальных социальных структур [Орехова, 2015]. Как следствие, среди иммигрантов наблюдается высокий уровень преступности.

Кроме того, целые районы городов (например, 10-й, 11-й, 19-й и 20-й округа Парижа, бульвар Барбес в 18-м округе и ряд пригородов и предместий) становятся мусульманскими. В исследованиях их называют «чувствительными городскими зонами». Всего во Франции существует 751 подобная зона, из которых 157 – в Париже [Жолудева, 2019]. При этом, аналогично турецким мигрантам, выходцы из арабских государств селятся преимущественно в тех районах, в которых проживают их соотечественники. В результате на подобных территориях начинают устанавливаться неофициальные отличные от французских законы, нормы и правила, например запрет на использование французского языка в определенные дни, ношение девочками религиозных одежд; функционируют нелегальные мусульманские школы.

Следует отметить, что на настоящий момент уровень вовлеченности арабских (как марокканской, так и алжирской) диаспор в обсуждение или решение политических вопросов во Французской Республике крайне низок. Этому способствует ряд факторов. Во-первых, конфронтация между соседними арабскими государствами Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) приводят к переносу конфликтных идей на представителей диаспор, что не способствует их единению. Во-вторых, сами арабские государства не поддерживают интеграцию своих граждан в европейские общества. В-третьих, процесс интеграции во французское общество крайне

сложен и связан в том числе с историческими особенностями колониальной политики Франции на африканском континенте. Только третье, четвертое и последующие поколения эмигрантов могут рассчитывать на право участия в политических выборах и в определенной степени оказывать влияние на внутреннюю политику страны, однако эти поколения по большей части уже утратили связи с родиной и воспринимают себя скорее европейскими гражданами, нежели представителями арабских диаспор.

С учетом невысокого экономического и социально-политического уровня развития арабских государств Магриба, равно как и в связи с их торговой и инвестиционной зависимостью от Франции и других крупных европейских экономик, ни Алжир, ни Тунис, ни Марокко не имеют амбиций, не обладают возможностью и не ставят цели использовать диаспоры как инструмент оказания влияния на проводимый Парижем внутри- или внешнеполитический курс. Вместо этого политический диалог с Францией ограничивается преимущественно попытками «перетянуть» Париж на свою сторону в ходе политического урегулирования региональных конфликтов, например в Западной Сахаре.

Сами выходцы из арабских стран также разделены на две больших группы – недавно эмигрировавших граждан государств Магриба, которые ограничены в своих правах и возможностях самореализации, а также выходцев из арабского мира, обладающих французским (например) гражданством, которые считают себя частью европейского общества и не стремятся сотрудничать с родиной, продвигая или защищая ее интересы. Как показывает практика, многие высококвалифицированные члены диаспор, потенциально способные стать источниками финансовых и интеллектуальных инвестиций в государства арабского мира, предпочитают, например, при получении патентов или публикации результатов научной работы избегать упоминания национальности, ограничиваясь только гражданством европейских стран.

Таким образом, Французская Республика, являясь одним из экономических и политических лидеров ЕС, не испытывает каких-либо трудностей и проблем политического характера, связанных с деятельностью арабских диаспор из региона Магриба на своей территории. Существующая конфронтация носит преимущественно внутриполитический и социальный характер и связана с

этническими, религиозными и в целом цивилизационными различиями между французскими гражданами и не ассимилировавшимися марокканцами, алжирцами и тунисцами. Это в значительной степени отличает поведение и деятельность арабских диаспор от турецких, существующих на территории европейских стран.

Федеративная Республика Германия и арабские диаспоры

Схожая ситуация в целом складывается и в другом не менее важном государстве ЕС – **Германии**. Говоря о численных показателях, Федеральное управление статистики в данных за 2022 г. приводит численность только представителей двух арабских диаспор, находящихся на территории республики – сирийцев (923 805 человек) и иракцев (284 595 человек). При этом сирийцы составляют 6,9% от общего числа иностранных граждан, проживающих на территории Германии, а иракцы – 2,13%. Для сравнения, турецкая диаспора по аналогичному массиву данных имеет численность около 11,11% от общего числа иностранцев¹.

Вероятнее всего, многочисленная группа сирийцев также включает в себя иммигрантов из Ливана и Иордании, поскольку в ходе миграционного кризиса многие выходцы из этих арабских стран представлялись сирийцами, чтобы упростить получение разрешения на пребывание в стране и социальных пособий [Сарабьев, 2020, с. 115]. Кроме того, сама статистика Германии исторически не слишком детализирует мигрантов из арабских стран. Вместе с тем исследователи еще в 2019 г. отмечали тенденцию увеличения доли сирийцев, иракцев, а также иранцев на рынке труда [Кузнецова, 2019, с. 23].

Арабы в Германии не представляют собой однородную группу, поскольку происходят из разных государств, имеют отличающуюся культуру и говорят на разных диалектах арабского языка. Большинство арабов – мусульмане: среди них большинство составляют сунниты, но также есть представители шиитов-двунадесятников. Также среди мигрантов из Сирии и Ливана встре-

¹ Foreign population by place of birth and selected citizenships on 31 December 2022 // Statistisches Bundesamt. – 2023. – 01.06. – URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/foreigner-place-of-birth.html> (date of access: 16.07.2024).

чаются представители христианских церквей, а также алавиты, друзы, исмаилиты, евреи и др.

Большая часть иракцев, проживающих в Германии, до 1980-х годов были студентами, которые приезжали учиться в ГДР и ФРГ. Приход к власти Саддама Хусейна в 1979 г. привел к увеличению числа иракских иммигрантов. Впоследствии военная интервенция США и их союзников в Ирак и последовавший за этим затяжной военно-политический конфликт с непрекращающимися столкновениями военизованных групп, усугубленный внешним давлением, способствовали еще большему росту количества иракцев, ищущих убежища на территории современной Германии [Крылов, Сбитнева, 2023]. При этом они также не являются единой диаспорой, а представляют различные этнические и религиозные группы – арабов (остаются большинством), курдов, ассирийцев и других [Candan, 2012]. Тем не менее правительство Германии не оставляет попыток уменьшить число арабских беженцев, вернув их обратно на родину.

Оценки эффективности миграционной политики разнятся. Например, в ноябре 2018 г. канцлер Германии Ангела Меркель признала ошибки в миграционной политике ХДС / ХСС, одновременно осудив протесты радикалов и устроенные ими беспорядки¹. Тем не менее на выборах в Бундестаг в 2021 г. ХДС / ХСС уступили политическое первенство СДПГ, и к власти пришел действующий канцлер Олаф Шольц. Одновременно с этим правые из «Альтернативы для Германии» смогли укрепить свои позиции как в федеральном собрании, так и в местных законодательных органах различных федеральных земель.

Однако выводы из ошибок ХДС / ХСС новой правящей коалицией (в лице СДПГ, Свободных демократов и Зеленых) сделаны не были. Напротив, на внутриполитическую арену вернулся нарратив о необходимости миграции. Так, в 2023 г. канцлер Олаф Шольц заявил, например, что официальный Берлин ведет переговоры с Багдадом об углублении сотрудничества в области миграции, в том числе с целью «ограничения нелегальной миграции и

¹ Меркель признала ошибки Берлина в миграционной политике // РБК. – 2018. – 17.11. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/17/11/2018/5befc99e9a79474026447c03> (дата обращения: 16.07.2024).

обеспечения легальных миграционных маршрутов» [Bewarder, Musawy, Pinkert, 2023].

В прошлом депортации иракцев на родину неоднократно терпели неудачу из-за проблем с установлением личности или гражданства. По данным Федерального министерства внутренних дел, в 2022 г. только 471 гражданин Ирака был депортирован из Германии, большинство – в третьи страны. Только 77 человек были возвращены непосредственно в Ирак. 907 человек добровольно вернулись в том же году, заручившись для этого государственной поддержкой [Bewarder, Musawy, Pinkert, 2023].

Что касается политической вовлеченности представителей арабских диаспор в оказание воздействия на внутреннюю и внешнюю политику Германии, то здесь ситуация аналогична французской, с тем лишь отличием, что ни Ирак, ни Сирия с Ливаном на современном этапе не являются полностью самостоятельными и суверенными государствами. Кроме того, все три страны находятся в разных по своим причинам и содержанию социально-политических и гуманитарно-экономических кризисах. И в рамках попыток избежать окончательного коллапса и полной утраты суверенитета и, как следствие, прекращения существования государств, эти страны арабского Машрика также не имеют ресурсов, опыта и времени на развитие собственных диаспор в европейских странах (например в Германии) для того чтобы получить инструменты влияния. Более того, многие европейские державы (Франция, Германия, Великобритания) сами активно оказывают воздействие на внутреннюю и внешнюю политику арабских государств, превентивно лишая их возможность на рефлексивную политику.

* * *

Арабские диаспоры разнообразны в этническом и языковом отношениях и представлены выходцами из различных государств (Алжира, Марокко, Туниса, Сирии, Ирака и других). Однако их роднит общая религия – ислам. Вместе с тем арабы не интегрируются в европейское сообщество, но, напротив, ассимилируют его под себя. Как следствие, это порождает серьезные социально-политические проблемы. Низкий уровень реальной эффективности

в управлении национальными вопросами в современных государствах Европы и достаточно высокий уровень толерантности привели к формированию арабами собственных этнических структур, в отдельных случаях дублирующих и заменяющих государственные, одновременно с сохранением высокой степени зависимости иммигрантов из государств Магриба и Марокко от социальных пособий и льгот, выдаваемых европейскими державами.

Что касается политической вовлеченности арабских диаспор в решение вопросов внутренней и внешней политики европейских держав, которые были целями эмиграции, то она была и остается крайне низкой. Наиболее представительные в количественном отношении арабские диаспоры не имеют тесных связей с родиной, а сами страны исхода не ставят цели развивать механизмы взаимодействия государства со своими соотечественниками за рубежом. Это связано как с отсутствием опыта, так и с недостаточным количеством ресурсов у данных государств, что делает подобные амбиции нереалистичными. Аналогичным образом, в силу низкой связанности диаспор с их государствами (как Магриба, так и Марокко), последние не имеют инструментов политического давления на соотечественников.

Вместе с тем следует учитывать, что многочисленные арабские диаспоры – это отдельные самостоятельные политические единицы, потенциально имеющие возможность играть значительную роль во многих внутренних и внешних политических, социальных и экономических процессах европейских стран. Зачастую диаспоры обособлены не только с европейским обществом, но и друг с другом, что связано как с культурно-историческими, так и политическими, а также языковыми особенностями. И, несмотря на общую принадлежность к исламской цивилизации, они не создают единого идейно-ценостного пространства на территории ЕС, являясь внутриполитическими акторами, которые скорее препятствуют общеевропейской интеграции, чем способствуют ей.

Вероятнее всего, подобное положение дел, когда выходцы с территорий, которые были в прошлом европейскими колониями, сохраняя зависимость от неоколониальных держав, одновременно оказывают воздействие на их социально-политическую сферу, будет продолжаться до момента изменения политического сознания и восприятия реальности коренными европейцами. Иным ва-

риантом видится смена политического климата и приход к власти в ведущих европейских центрах силы радикальных лидеров с националистическими взглядами. В особенности, если они будут обладать должной политической волей, стратегическим видением и командами сподвижников, которые готовы к коренным переменам. С другой стороны, подобные изменения в перспективе могут вызвать острейший социально-политический кризис, который затронет все европейские страны и окажет влияние не только на их внутреннюю, но и внешнюю политику.

Список литературы

- Долгов Б.В. Сирийский опыт социального развития // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2(2). – С. 42–65. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.
- Жолудева Н.Р. Мусульмане во Франции: жизнь мусульманских кварталов Парижа // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 438. – С. 132–137. – DOI: 10.17223/15617793/438/17.
- Крылов Д.С., Сбитнева А.И. Кризис системы международных отношений и антиколониальные процессы на Ближнем Востоке // Постколониализм и современность. – 2023. – № 1(1). – С. 57–78. – DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.03.
- Кузнецова А.В. Иностранные мигранты в крупных городах балтийского региона: истоки, тенденции, перспективы // Балтийский регион – регион сотрудничества : материалы конференции (Калининград, 27–31.08.2019). – 2019. – С. 16–28.
- Миграционный кризис и формирование мусульманских общин в Европе: тенденции и последствия / [Г.В. Осипов и др.]. – Москва : ИСПИ РАН, 2016. – 116 с.
- Орехова С.В. Миграционная политика Франции // Власть. – 2015. – № 3. – С. 149–151.
- Сарабьев А.В. Вопросы адаптации трудовых мигрантов с арабского востока в ЕС // Современная Европа. – 2020. – № 7. – С. 113–123. – DOI: 10.15211/sovereurope72020113123.
- Mainstreaming Integration Governance New Trends in Migrant Integration Policies in Europe / ed. by P. Scholten, I. van Breugel. – Palgrave Macmillan, 2019. – 268 p.
- Al-Assi H. العرب في أوروبا: سيكولوجيا الاتزان = The Arabs in Europe: the psychology of migrants // Al-Anbaa. – 2018. – 30 сентября. – Араб. яз. – URL: <https://annabaa.org/arabic/authorsarticles/16725> (дата обращения: 16.07.2024).
- Bewarder von M., Musawy A., Pinkert R. Deutschland und Irak vereinbaren offenbar Kooperation // Tagesschau. – 2023. – 17 мая. – Немец. яз. – URL: <https://www.tagesschau.de/investigativ/ndr-wdr/migrationsabkommen-deutschland-irak-100.html> (дата обращения: 16.07.2024).
- Candan M. Kontakte und Geld. Arabische Welt // E+Z. – 2012. – 3 декабря. – Немец. яз. – URL: <https://www.dandc.eu/de/article/irakische-diaspora-deutschland-traegt-zum-wiederaufbau-des-irak-bei> (дата обращения: 16.07.2024).

Les Turcs en France: un “isolat” séparatiste? // Observatoire de l’immigration et de la démographie. – 2023. – 22 марта. – Франц. яз. – URL: <https://observatoire-immigration.fr/les-turcs-en-france-un-isolat-separatiste/> (дата обращения: 16.07.2024).

Tribalat M. Une estimation des populations d’origine étrangère en France en 2011 // Espace populations sociétés. – 2015. – No. 1–2. – Франц. яз. – DOI: 10.4000/eps.6073.

References

- Al-Assi H. (2018). العرب في أوروبا: سيكلوجيا الاغتراب = The Arabs in Europe: the psychology of migrants. *Al-Anbaa*, September 30. (In Arab.) Available at: <https://annabaa.org/arabic/authorsarticles/16725> (date of access: 16.07.2024).
- Bewarder von M., Musawy A., Pinkert R. (2023). Deutschland und Irak vereinbaren offenbar Kooperation. *Tagesschau*, May 17. Available at: <https://www.tagesschau.de/investigativ/ndr-wdr/migrationsabkommen-deutschland-irak-100.html> (date of access: 16.07.2024).
- Candan M. (2012). Kontakte und Geld. *Arabische Welt. E+Z*, December 3. (In Germ.) Available at: <https://www.dandc.eu/de/article/irakische-diaspora-deutschland-traegt-zum-wiederaufbau-des-irak-bei> (date of access: 16.07.2024).
- Dolgov B.V. (2023). Syrian Experiment of Social Development. *Middle & Post-Soviet East*, no. 2(2), pp. 42–65. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.03.
- Krylov D.S., Sbitneva A.I. (2023). Crisis of International Relations System and the Middle East Anti-Colonial Processes. *Postcolonialism and Contemporary World*, no. 1(1), pp. 57–58. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-1711.2023.01.03.
- Kuznetsov A.V. (2019). Foreign migrants in large cities of the Baltic region: origins, trends, prospects. *Baltic region – region of cooperation: proceedings of the conference* (Kalininingrad, 27–31.08.2019), pp. 16–28. (In Russ.)
- Les Turcs en France: un “isolat” séparatiste? (2023). *Observatoire de l’immigration et de la démographie*, March 22. (In French) Available at: <https://observatoire-immigration.fr/les-turcs-en-france-un-isolat-separatiste/> (date of access: 16.07.2024).
- Mainstreaming Integration Governance New Trends in Migrant Integration Policies in Europe* (2019). Ed. by P. Scholten, I. van Breugel. Palgrave Macmillan, 268 p.
- Migration Crisis and the Formation of Muslim Communities in Europe: Trends and Consequences* (2016). Ed. by G.V. Osipov et al. Moscow: ISPI RAN, 116 p. (In Russ.)
- Orekhova S.V. (2015). The Migration Policy in France. *Vlast'*, no. 3, pp. 149–151. (In Russ.)
- Sarabiev A. (2020). Adaptation of Labor Migrants from the Arab East in EU. *Modern Europe*, no. 7, pp. 113–123. (In Russ.) DOI: 10.15211/soveurope72020113123.
- Tribalat M. (2015). Une estimation des populations d’origine étrangère en France en 2011. *Espace populations sociétés*, no. 1–2. (In French) DOI: 10.4000/eps.6073.
- Zholudeva N.R. (2019). Muslims in France: The Paris Life of Muslim Quarters. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, no. 438, pp. 132–137. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/438/17.

РАЗВИТИЕ ТУРЕЦКИХ ЦЕНТРОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Каныбек Акматбекович КУДАЯРОВ

кандидат исторических наук, научный сотрудник

Центра междисциплинарных исследований

Института научной информации по общественным наукам

Российской академии наук (ИНИОН РАН)

117418, Нахимовский проспект, 51/21, г. Москва, Российская Федерация

E-mail: kana8306@mail.ru

ORCID: 0000-0001-8970-8694

Статья поступила в редакцию 14.05.2024

Аннотация. В работе предпринята попытка выявить взаимосвязи (формальные и неофициальные) между турецкими аналитическими центрами (АЦ) и партиями власти – Партией справедливости и развития (ПСР) и Партией националистического движения (ПНД). Для достижения указанной цели был кратко рассмотрен управленческий и штатный / внештатный персонал фабрик мысли на предмет их аффилированности с ПСР и ПНД. Было выявлено, что многие функционеры мозговых центров работали либо продолжают работать в структурах указанных партий. Особенностью сотрудников аналитических центров, выявленных как «связующих» в ходе исследования, является их высокий статус. Как правило, они занимают руководящие позиции в организации либо состоят в попечительских советах АЦ, что позволяет им формировать политику аналитического центра, исследовательскую повестку и всесторонне контролировать выпускаемую ими аналитическую продукцию.

Ключевые слова: проправительственные аналитические центры, мозговые центры, фабрики мысли, эксперты, Партия справедливости и развития, Партия националистического движения, аффилиация.

DEVELOPMENT OF TURKISH CENTERS FOR POLITICAL ANALYSIS

Kanybek A. KUDAYAROV

Candidate of Historical Sciences, Researcher
Center for Interdisciplinary Studies

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

117418, Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: kana8306@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8970-8694

Received 14.05.2024

Abstract. The paper attempts to identify the relationship (formal and informal) between the Turkish analytical centers (AC) and the parties in power – the Justice and Development Party (AKP) and the Nationalist Movement Party (HDP). To achieve this goal, the management and staff / freelance staff of the thought factories were briefly reviewed for their affiliation with the AKP and the HDP. It was revealed that many functionaries of think tanks have worked or continue to work in the structures of these parties. The peculiarity of the employees of analytical centers identified as “binders” during the study is their high status. As a rule, they occupy leadership positions in the organization or are on the boards of trustees of the AC, which allows them to form the policy of the analytical center, the research agenda and comprehensively control the analytical products they produce.

Keywords: pro-government analytical centers, think tanks, thought factories, experts, Justice and Development Party, Nationalist Movement Party, affiliation.

На сегодняшний день в турецкой экспертно-аналитической среде функционирует порядка 54 аналитических центров. При этом нет четкого разделения между государственными, окологосударственными / аффилированными с государством и независимыми мозговыми центрами. Как отмечает А.В. Аватков, «Проблема ранжирования научно-аналитических организаций Турции заключается в том, что “независимые” центры существуют в стране лишь формально, в то время как официально работающих на политические партии учреждений не существует вовсе. В реальности аналитические “фабрики мысли” просто предпочитают не афишировать свою приверженность каким-либо лоббистским группам или идеологиям, коррелирующим со взглядами тех или иных поли-

тических сил. Однако идеологемы, проходящие красной нитью через большинство публикационных материалов таких учреждений, позволяют сделать выводы об обратном и их аффилиации с определенными группами влияния» [Аватков, 2022, с. 180–181; Babur, 2021, р. 9].

Другим немаловажным признаком некой аффилиации турецких think tanks с определенными политическими силами является наличие профессиональных официальных и неформальных контактов сотрудников аналитических центров с политическими партиями (в нашем случае – с партиями власти: Партией справедливости и развития и Партией националистического движения) или представляющими их структурами, что может говорить об определенной политико-идеологической направленности / ориентации исследуемых мозговых центров.

Разумеется, на основе представленной ниже информации нельзя абсолютно уверенно утверждать о том, что выявленная аффилиация (прямая либо косвенная) между представителями определенных фабрик мысли и ПСР / ПНД является доказательством политической и идеологической ориентации тех либо иных аналитических центров. Тем не менее указанный перечень организаций может стать неким подспорьем при дальнейшем исследовании фабрик мысли Турции.

Евразийский центр стратегических исследований (Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi, ASAM)¹, созданный в 1994 г. фондом «Евразия 1» (Eurasian One Foundation), является аналитическим центром, который проводит исследования в политической, социально-экономической, технологической, демографической сферах, а также в области безопасности, права и истории. На базе ASAM издается ежеквартальный журнал стратегических исследований Avrasya Dosyası («Евразийское досье»), книги, публикуются тематические серийные исследования и многое другое.

Председателем правления ASAM является Муса Сердар Челеби. В политико-идеологическом плане Челеби выступает как

¹ Евразийский центр стратегических исследований // ASAM. – URL: <https://www.asam.org.tr/> (дата обращения: 01.05.2024).

националист и сторонник организации Бозкурт¹, активно поддерживающий ПНД и ПСР².

К другим сотрудникам ASAM относятся Шабан Гюльбахар – один из основателей Евроазиатского Турецкого фонда экономических, социальных и культурных исследований, имеющий связи с ПСР и аналитическим центром ASAD³, а также Абдуллах Кылыч – преподаватель в аффилированных с ПНД образовательных организациях.

Заметную роль в ASAM играет и сооснователь фонда «Евразия 1» Бюлент Гювен, некогда состоявший в ПСР и позже перешедший в Хорошую партию⁴ (тур. яз. – İyi parti). Однако Гювен и там не задержался надолго и покинул партию, уйдя на-совсем из политики.

Фонд исследований экономической политики Турции (Türkiye Ekonomi Politikaları Araştırma Vakfı, TEPAV)⁵ был создан в 2004 г. в Анкаре. TEPAV является аналитическим центром с разветвленной сетью, осуществившей к сегодняшнему дню проекты в 63 провинциях Турции и 60 странах по всему миру. В рамках организации функционируют шесть центров и один институт, которые занимаются всесторонним анализом внутри- и внешнеполитических аспектов турецкой экономической политики, фискальной и монетарной политиками, урбанистическими исследованиями. Возглавляет Фонд президент Союза торговых палат и товарных

¹ Erdem H. MHP, Ökkeş Kenger ve İzzettin Doğan // Alevi.dk. – URL: <https://www.alevi.dk/BASIN%20ARSIV/mhp%20okkes%20kenger%20izzettin%20dogan.htm> (date of access: 10.05.2024).

² Erdoğan'ın sürpriz aday: Musa Serdar Çelebi // Memurlar.net. – URL: <https://www.memurlar.net/haber/75136/erdogan-in-surpriz-aday-musa-serdar-celebi.html> (date of access: 10.05.2024).

³ ASAD // ASAD Platformu.com. – URL: <https://asadplatformu.com/cumhurbaskani-yardimcisi-sayin-fuat-oktay-beyi-ziyaret-2.html> (date of access: 10.05.2024).

⁴ Хорошая партия (на тур. яз. – İyi Parti) – националистическая, консервативная, светская и центристская политическая партия, созданная 25 октября 2017 г. выходцами из правой Партии националистического действия. Партия поддерживает принципы и идеалы основателя Турции – Кемаля Ататюрка.

⁵ Türkiye Ekonomi Politikaları Araştırma Vakfı // TEPAV. – URL: <https://www.tepav.org.tr/en> (date of access: 10.05.2024).

бирж (ТОВВ)¹ Рыфат Хисаржыкоглу, являющийся также членом ТЮСИАД², который контролируется со стороны ПСР.

Немалый интерес вызывает к себе и другой сотрудник Фонда – Джемиль Чичек, отличившийся большой «политической мобильностью». Он успел поработать в четырех партиях: Milli Selamet Partisi (в Партии национального спасения (1970–1980)); Anavatan Partisi (в Партии Родины (1983–1998)); Fazilet Partisi (в Партии добродетели (1998–2001)); и, наконец, Adalet ve Kalkınma Partisi (в Партии справедливости и развития (ПСР)), где Чичек работает последние 24 года (с 2001 г. – по настоящее время)³.

Турецкий азиатский центр стратегических исследований (*Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi, TASAM*)⁴ является независимым аналитическим центром с широкой исследовательской повесткой, охватывающей практически все континенты, с фокусом на тюрко-исламский мир. Данный аналитический центр имеет связи с ПНД и другими националистическими организациями Турции.

Фонд экономических и социальных исследований Турции *SETA* является одним из наиболее влиятельных АЦ Турции, который позиционируется многими экспертами как проправительственный фонд, всесторонне поддерживающий политику правящей в Турции Партии справедливости и развития, и оказывающий ей услуги информационно-аналитического и консультационного характера. В соответствии с целями внешней политики Турции, SETA готовит социальные, политические и экономические отчеты для государственных структур [Кудаяров, 2023, с. 118–129].

Фонд экономического развития (*İktisadi Kalkınma Vakfı, İKV*) – близкий к правительству аналитический центр, специали-

¹ ТОВВ – Союз торговых палат и товарных бирж Турции // Tobb.org. – URL: <https://www.tobb.org.tr/Sayfalar/AnaSayfa.php> (дата обращения: 11.05.2024).

² Союз промышленников и предпринимателей Турции (ТЮСИАД) – крупнейшее в стране деловое объединение.

³ Cemil Çiçek kimdir, nereli, kaç yaşında? Cemil Çiçek hangi partilerde görev yaptı? // Cumhuriyet. – URL: <https://www.cumhuriyet.com.tr/turkiye/cemil-cicek-kimdir-nereli-kac-yasinda-cemil-cicek-hangi-partilerde-gorev-yapti-2062636> (date of access: 11.05.2024).

⁴ Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi // TASAM. – URL: <http://www.tasam.org> (date of access: 11.05.2024).

зирующийся на экономике ЕС, а также на торгово-экономических отношениях между Турцией и Европейским союзом. К лицам, связанным с ПСР, относятся: Айхан Зейтинглу – член правления в двух организациях, Турецко-американской торгово-промышленной палате (TACCI) и Генеральном совете Всемирной федерации палат ICC / WCF. Зейтинглу также известен тем, что возглавлял Рабочую группу по борьбе с коррупцией в Турции B-20¹ в 2017 г.; Мурат Хазырглу, пришедший в политику в 2003 г. в качестве члена районного совета ПСР в Стамбуле, известен тем, что внедрил «Систему результатов выборов» перед выборами в местные органы власти в Турции в 2009 г. Программа, системы и методы, разработанные Хазырглу в рамках его деятельности в ПСР, использовались на всех последующих выборах. Помимо этого он занимал должность консультанта по информационным технологиям в ПСР².

Среди других лиц, связанных с ПСР, можно назвать Бедии Джана Юджаоглу³, Али Сами Айдына⁴ и др.

Центр ближневосточных исследований (Ortadoğu Araştırmaları Merkezi, ORSAM)⁵ выступает как независимый аналитический центр, ориентированный на исследование политического и социально-экономического положения государств Ближнего Востока и Северной Африки. Среди сотрудников Центра имеется три человека, так или иначе связанных с ПСР: Ибрахим Айдын, баллотировавшийся от ПСР на пост мэра г. Манавгата на местных выборах 2004 г. и дважды избранный депутатом парламента Турции (ВНСТ) на всеобщих выборах в 2015 и 2018 гг. Айдын состоял в Комиссии по планированию и бюджету; внештатные сотрудники:

¹ Ayhan Zeytinoğlu // İKV. – URL: https://www.ikv.org.tr/ikv.asp?ust_id=13&id=23 (date of access: 12.04.2024).

² AKP'li belediyenin milyonluk ihalesi yine aynı adresе gitti // Sözcü. – URL: <https://www.sozcu.com.tr/2022/gundem/akpli-belediyenin-milyonluk-ihalesi-yine-ayni-adrese-gitti-7341391/> (date of access: 12.04.2024).

³ Yücaoglu Can // TUSIAD. – URL: <https://tusiad.org/en/bod-profiles/item/10404-can-yucaoglu> (date of access: 12.04.2024).

⁴ Ali Sami Aydin becomes the new president of TETSIAD // Sleep Well. – URL: <https://www.sleepwellmagazine.com/ali-sami-aydin-becomes-new-president-tetsiad/> (date of access: 12.04.2024).

⁵ Hakkımızda // Orsam. – URL: <http://www.orsam.org.tr> (date of access: 12.04.2024).

Абденнур Туми – размещающий свои работы в проправительственной газете Daily Sabah English¹ и Мехмет Аладжа – публицист в проправительственных СМИ – Anadolu Ajansı и Daily Sabah.

Задачи *Фонда глубинных социальных и стратегических исследований* (Kök Sosyal ve Stratejik Araştırmalar Vakfı, KÖKSAV) направлены на создание дискуссионной площадки для теоретических и прикладных исследований в области международных отношений, в также по социальным, культурным и экономическим вопросам. Основателем Фонда являлся Мехмет Джихад Озондер, избранный депутатом парламента Турции от ПНД на 2007–2011 гг., однако так и не вступивший в должность из-за своей скоропостижной кончины в результате дорожно-транспортного происшествия в черте г. Анкара по пути из столицы в г. Стамбул, куда он направлялся, чтобы получить бумаги, подтверждающие его депутатский статус.

Институт Турции XXI века (21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü, 21 YYTE)² занимается мониторингом и анализом политических, экономических, технологических, культурных, социальных и военных процессов, происходящих в Турции и в мире, а также проведением стратегических исследований, оценивающих глобальные и региональные события с точки зрения национальной безопасности Турции. Людьми АЦ, связанными с правительством, являются Гозде Кылыч Яшын – сотрудник TÜRKSAM в 2004–2010 гг.; Умит Оздаг – председатель правления Турецкого института XXI века, основатель и нынешний председатель партии Зафер. В 1999 г. Оздаг принял участие в создании Евразийского центра стратегических исследований (ASAM). В 2000 г. он внес свой вклад в создание Института армянских исследований, работающего под эгидой ASAM. В 2006–2016 гг. Умит Оздаг являлся членом ПНД, а после раскола ПНД ушел в новосозданную Хорошую партию, откуда после нескольких лет работы (2017–2021) перебрался в Партию Победы (Zafer Partisi), где и работает по настоящее время. Как известно, Партия Победы, как и Хорошая партия и ПНД являются националистическими.

¹ Abdenour Toumi // ORSAM. – URL: <https://www.orsam.org.tr/tr/abdenour-toumi/> (date of access: 12.04.2024).

² 21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü // 21. Yüzyıl Türkiye Enstitüsü. – URL: <http://www.21yyte.org> (date of access: 13.04.2024).

Ассоциация ближневосточных и африканских исследований (Ortadoğu ve Afrika Araştırmaları Derneği, ORDAF)¹ готовит публикации по региональным гуманитарным проблемам, а также двустороннему взаимодействию Турции со странами Ближнего Востока и Африки. В исследованиях членов ассоциации акцент делается на вопросах международных отношений, культуры, религии. Связь с ПСР, предположительно, имеется через члена административного совета ORDAF Зекерию Куршуна, чьи работы публикуются в газете Yeni Shafak, принадлежащей Albayrak Group, владельцы которой имеют тесные (в том числе родственные) связи с семьей Эрдогана.

Центр исследований Ирана (İran Araştırmaları Merkezi, İRAM)² был создан для проведения фундаментальных исследований по Ирану и иранской внутренней и внешней политике. Это первый аналитический центр в Турции, фокусирующийся на иранской тематике, а также на оказании экспертно-аналитической поддержки другим турецким учреждениям и организациям, работающим в этом направлении. Главой Центра является Хакки Уйгур, также работающий в SETA и регулярно публикующий свои работы в журнале «Критер»³.

Босфорский центр глобальных отношений (Boğaziçi Küresel İlişkiler Merkezi, BK)⁴ работает с 2015 г. в рамках двух основных направлений – борьба с dezинформацией и публичная дипломатия. АЦ успешно выполняет свою миссию по исправлению фейковых новостей и распространению правильной информации в социальных сетях с помощью своих твиттер-аккаунта Günün Yalanları («Ежедневная ложь») и веб-сайта. 3 августа 2019 г. президент Турции Р. Эрдоган посетил данный Центр, что стало событием, демонстрирующим важность данного аналитического центра для турецкого руководства.

¹ Hakkımızda // ORDAF. – URL: <http://ordaf.org/> (date of access: 13.04.2024).

² İran Araştırmaları Merkezi // İRAM. – URL: <http://www.iramcenter.org/> (date of access: 13.04.2024).

³ Hakkı Uygur // Kriter. – URL: <https://kriterdergi.com/yazar/hakkuygur> (date of access: 13.04.2024).

⁴ Boğaziçi Küresel İlişkiler Merkezi // Boğaziçi Küresel İlişkiler Merkezi. – URL: <https://bogazicikuresel.org/> (date of access: 13.04.2024).

Институт стратегической мысли (Stratejik Düşünce Enstitüsü, SDE)¹ – аналитический центр, основанный в 2009 г., занимающийся широким кругом проблем социально-экономического и политического характера, климатической повестки, вопросами национальной обороны и безопасности, а также различными аспектами развития гражданского общества в Турции и в мире. SDE является чрезвычайно важной организацией в определении политики ПСР на Ближнем Востоке². Глава АЦ Гюрай Алпар периодически публикует свои работы в проправительственном АЦ TASAM. В высший консультативный совет SDE входит Синан Тавукчу, возглавляющий Stratejik Düşünce ve Araştırmalar Vakfı (SDAV); в состав консультативного совета SDE входит генеральный директор государственного ТВ Kanal A³ – Альпер Тан. Координатор по СМИ и гражданскому обществу SDE Бюлент Эрандач также работает в медиахолдинге Sabah Group и газете «Таквим», которые в свою очередь входят в проправительственную медиагруппу Turkuvaz.

Центр стратегических исследований сторонников спортивности (Adaleti Savunanlar Stratejik Araştırmalar Merkezi, ASSAM)⁴ представляет собой аналитический центр, занимающийся исследованиями мусульманских обществ в различных регионах мира. Его председателем является бригадный генерал в отставке Аднан Танрыверди, назначенный главным советником по безопасности президента Турции в 2016 г. и членом Президентского совета по безопасности и внешней политике в 2018 г. Танрыверди ушел в отставку с обеих должностей в 2020 г.

Другим важным свидетельством аффилированности ASSAM с правительственные структурами Турции является наличие в управлеченческой команде ASSAM Али Джошара, занимающего пост генерального секретаря Центра и также входящего в правле-

¹ Stratejik Düşünce Enstitüsü // Stratejik Düşünce Enstitüsü. – URL: <http://www.sde.org.tr/> (date of access: 13.04.2024).

² SETA-SDE dosyaları açıldı // Odatv. – URL: <https://www.odatv.com/guncel/seta-sde-dosyaları-acıldı-51316> (date of access: 13.04.2024).

³ «Канал А» входит в состав государственного медиа-холдинга *Sancaktar Media*.

⁴ Adaleti Savunanlar Stratejik Araştırmalar Merkezi // ASSAM. – URL: <http://www.assam.org.tr/> (date of access: 13.04.2024).

ние частной военной компании Sadat¹, аффилированной с турецким правительством².

Центр международных отношений и стратегического анализа (Türksam – Türkiye Stratejik Analizler Merkezi)³, основанный в 2004 г., регулярно проводит конференции и семинары для правительственные структур, ученых, исследователей, студентов и широкой общественности по политическим вопросам, затрагивающим Турцию и страны региона. Учредителем и главой организации является Синан Оган, который в 2011–2017 гг. был депутатом парламента от ПНД. На выборах президента Турции в 2023 г. Синан Оган был выдвинут кандидатом от правого блока «ATA», набрав лишь 5,22% голосов в первом туре, что помешало ему пройти во второй тур. Тем не менее Оган призывал своих сторонников голосовать за Эрдогана. В штат сотрудников Центра входит Юлькер Гюзель, вошедшая в парламент в 2011 г. в качестве депутата от ПСР от г. Анкара.

Центр стратегических исследований Новой Турции (Yeni Türkiye Stratejik Araştırmalar Merkezi, YTSAM)⁴ занимается вопросами истории и культуры Османской империи, изучением тюркской цивилизации и ее особенностей. Главой организации является Хасан Джеляль Гюзель, снискавший славу и уважение турецкого правительства и народа благодаря специальным выпускам журнала Yeni Türkiye, на базе которого был создан огромный корпус из 98 томов и 81 000 страниц. Были реализованы гигантские культурные проекты: Международный турецкий проект (включающий в себя 37 томов) и Международный османский проект (16 томов), которые стали крупнейшими в мире научными трудами о турках и тюркской цивилизации. В 2016 г. YTSAM провел международную

¹ SADAT Defence // SADAT. – URL: <https://sadat.com.tr/en/> (date of access: 13.04.2024).

² Turkish paramilitary contractor Sadat praises Taliban for asymmetrical warfare, cheers Sharia rule in Afghanistan // Nordic Research and Monitoring Network. – URL: <https://nordicmonitor.com/2021/09/turkish-paramilitary-contractor-sadat-praises-taliban-for-asymmetrical-war-campaign-cheers-for-sharia-rule-in-afghanistan/> (date of access: 13.04.2024).

³ Türkiye Stratejik Analizler Merkezi // Türksam. – URL: <http://www.turksam.org/> (date of access: 14.04.2024).

⁴ Yeni Türkiye Stratejik Araştırmalar Merkezi // YTSAM. – URL: <https://yeniturkiye.com/> (date of access: 17.04.2024).

конференцию, посвященную науке и технологиям, на которой присутствовал Реджеп Т. Эрдоган¹. На пленарной сессии конференции, которую открыл Эрдоган, председательствовал Бильгехан Атсыз Гёкдаг, возглавляющий «Институт тюркского мира» и «Центр черноморских исследований», входящих в состав YTSAM. Гёкдаг также является членом правления Фонда дружбы, братства и сотрудничества тюрksких государств и общин (TÜDEV)², идеологически близкого к ПНД. Главой TÜDEV является Йылдырым Тугрул Тюркеш – сын основателя ПНД Алласлана Тюркеша.

Центр социально-экономических и культурных исследований (Sosyal Ekonomik ve Kültürel Araştırmalar Merkezi, SEKAM)³ – независимый аналитический центр, созданный в Стамбуле в 1993 г. Область исследований охватывает социально-экономические, политические и демографические процессы в мире, с акцентом на Турции и исламском мире. Центр предлагает решения проблем турецкого и исламского обществ с учетом тюрко-мусульманских цивилизационных особенностей. Одним из руководителей Центра является Мете Догруер, который в 2007–2011 гг. был членом турецкого парламента от Партии справедливости и развития⁴.

Центр мысли и исследований Анкары (Ankara Düşünce ve Araştırma Merkezi, ADAM)⁵ начал свою деятельность в 2006 г. ADAM занимается повышением качества человеческих ресурсов, содействием их академическому, социальному и культурному развитию, а также развитием образовательной, исследовательской и проектной деятельности, необходимой для этого. Член Совета правления АЦ ADAM Мехмет Булут относится к числу тех людей, которые разделяют политику правительства Турции. Что касается главы ADAM Гёкхана Четинсая, то известно, что в 2011 г. он был

¹ На сайте Центра имеются фотографии главы аналитического центра Хасана Джеляля Гюзеля с Эрдоганом.

² Türk Devlet ve Toplulukları Dostluk Kardeşlik ve İşbirliği Vakfı // TÜDEV. – URL: <https://www.tudev.org.tr/hakkimizda/> (date of access: 17.04.2024).

³ Sosyal Ekonomik ve Kültürel Araştırmalar Merkezi // SEKAM. – URL: <https://www.sekam.com.tr/> (date of access: 17.04.2024).

⁴ Prof., Dr. İ. Mete Doğruer // Invist. – URL: <https://www.invistfc.com/prof-dr-mete-dogruer/> (date of access: 17.04.2024).

⁵ Ankara Düşünce ve Araştırma Merkezi // ADAM. – URL: <http://www.adam.org.tr/> (date of access: 18.04.2024).

назначен тогдашним президентом Абдуллой Гюлем председателем Совета по высшему образованию Турции, а в 2014 г. – главой канцелярии премьер-министра Турции. Полагаем, что он все еще сохраняет определенные связи с ПСР.

Центр евразийских исследований (Avrasya İncelemeleri Merkezi, AVİM)¹ – независимый аналитический центр, основанный в 2009 г. в Анкаре, действующий под эгидой Фонда сотрудничества и культуры Туркменели. AVİM стремится предоставить всестороннюю и углубленную информацию о текущих политических событиях в стратегически важных для Турции регионах – в ЕС, на Балканах, в Черноморском регионе, Кавказе и Центральной Азии. Глава AVİM Алев Кылыч работал на разных должностях в турецком МИД, в том числе занимал пост посла в Швейцарии (2004–2009) и посла Турции в Мексике (2009–2011). Кылыч возглавил AVİM в 2013 г. после ухода в отставку из МИДа². Другой сотрудник AVİM – Йигит Алполат также служил в МИДе, занимал пост посла Турции в Великобритании. Полагаем, что дипломатические сотрудники (пусть и бывшие) сохраняют лояльность к существующей власти.

Также нужно отметить, что Фонд сотрудничества и культуры Туркменэли – это единственная зарегистрированная в Турции неправительственная организация, действующая в Ираке, что также наталкивает на мысль о том, что у Фонда имеются тесные отношения с ПСР и ПНД.

Фонд социально-политических стратегических исследований Туркской академии (Türk Akademisi Siyasi Sosyal Stratejik Araştırmalar Vakfı)³ с момента создания (в 2012 г.) проводит переоценку геополитического и геостратегического положения Турции на фоне происходящих в Ближневосточном регионе и мире процессов и связанных с ними угроз и возможностей. Большое внимание уделяется развитию стратегического сотрудничества с

¹ Avrasya İncelemeleri Merkezi // AVİM. – URL: <https://avim.org.tr/en> (date of access: 18.04.2024).

² Alev KILIÇ // AVİM. – URL: <https://avim.org.tr/en/Baskan/Alev-KILIC> (date of access: 18.04.2024).

³ Türk Akademisi Siyasi Sosyal Stratejik Araştırmalar Vakfı // TASAV. – URL: <http://www.tasav.org/> (date of access: 18.04.2024).

туркоязычными регионами, с которыми турецкое общество связывают общие исторические и культурные особенности.

В руководстве аналитического центра представлены: Исмаил Фарук Аксу – заместитель председателя Комиссии по планированию и бюджету парламента Турции, а с 2018 г. – заместитель председателя ПНД¹; Конур Альп Кошак² и Абдулкадыр Бекташ³ – депутаты парламента от ПНД с 2023 г.; Огуз Йылмаз – представитель ПНД и Кадыр Йылдыз – член ПСР⁴.

Платформа экономистов (Ekonomistler Platformu)⁵ работает с 2000 г. и является независимым аналитическим центром, исследующим экономическую политику в Турции. Платформа экономистов работает по трем основным направлениям: инновационная экономика Турции; вопросы экономической стабильности; устранение экономических препятствий, стоящих на пути членства Турции в ЕС.

Одним из представителей партии власти при Платформе является Ибрахим Тюркиш – депутат от ПСР предпоследних трех созывов.

Центр исследований кризисных ситуаций и политики Анкары (Ankara Kriz ve Siyaset Araştırmaları Merkezi, ANKASAM)⁶ – аналитический центр, созданный в 2017 г. в г. Анкара для изуче-

¹ MHP'de yeni atamalar! MYK sonrası duyuruldu // Mynet.com. – URL: <https://web.archive.org/web/20180907132556/https://www.mynet.com/mhp-de-yeni-atamalar-myk-sonrasi-duyuruldu-ismail-faruk-aksu-hidayet-vahapoglu-kadir-sekerci-kimdir-kac-yasindadir-nerelidir-110104376710> (date of access: 18.04.2024).

² Konur Alp KOÇAK – 28. DÖNEM KONYA MİLLETVEKİLİ // Türkiye Büyük Millet Meclisi Kurumsal İnternet Sayfası. – URL: <https://www.tbmm.gov.tr/milletvekili/MilletvekiliDetay?Id=08d7d26a-5a14-4a5a-8005-018871f4233a> (date of access: 18.04.2024).

³ Abdulkadir Bektaş kimdir? // Türkiye Gazetesi. – URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/biyografi/abdulkadir-bektas-kimdir-567536> (date of access: 18.04.2024).

⁴ Kaymakamımız Yasin GÜRKAN 'I AK Parti İl Genel Meclisi Üyesi Kadir YILDIZ ve MHP İl Genel Meclisi Üyesi M. Kürşad KARABIÇAK ziyaret etti // Şiran kaymakamlığı. – URL: <http://www.siran.gov.tr/kaymakamimiz-yasin-gurkan-i-ak-parti-il-genel-meclisi-uyesi-kadir-yildiz-ve-mhp-il-genel-meclisi-uyesi-m-kursad-karabicak-ziyaret-etti> (date of access: 18.04.2024).

⁵ Ekonomistler Platformu // Ekonomistler Platformu. – URL: <http://www.ekonomistler.org.tr> (date of access: 18.04.2024).

⁶ Ankara Kriz ve Siyaset Araştırmaları Merkezi // ANKASAM. – URL: <http://www.ankasam.org> (date of access: 18.04.2024).

ния экономических, политических и социальных кризисов в международной системе и разработки политики, которая бы включала их решения.

Человеком, близким к правительственные кругам и связанным не только с ANKASAM, но и рядом других АЦ, является Мехмет Сейфеттин Эрол. В 2000–2006 гг. Эрол работал в ASAM; в 2009 г. – основал SDE; примерно в эти же годы основал Международный центр исследований стратегии и безопасности (USGAM); Эрол также возглавляет Институт международных отношений YTSAM. Помимо этого, профессор Эрол занимал должность директора Центра стратегических исследований Университета Гази GAZISAM. С 2016 г. он продолжает свою работу в качестве председателя-основателя Анкарского центра кризисных и политических исследований ANKASAM. Все упомянутые выше центры являются проправительственными АЦ, судя по присутствию в составе управления данных организаций членов ПСР и ПНД.

Помимо указанных выше аналитических центров, выявлены еще шесть организаций, которые также имели в прошлом либо продолжают иметь и сегодня прямое либо косвенное отношение к ПСР / ПНД. Полагаем, что список таких фабрик мысли может увеличиться при появлении новой информации относительно деятельности оставшихся 27 мозговых центров Турции.

1. Фонд стратегических и социальных исследований региона Мраморного моря (Marmara Grubu Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı)¹ – независимый аналитический центр, ведущий свою деятельность с 1985 г. в области экономики, демократии и безопасности. Бессменным президентом фонда Marmara Grubu с 1997 г. является Аккан Сувер, который был представителем ПНД с 1987 по 1995 г., а позже – заместителем генерального секретаря ПНД. Его коллега по Фонду, Эртугрул Кумджуоглу, был депутатом от ПНД в 2007–2011 гг. Также он занимал другие высокие государственные посты.

2. Общество либеральной мысли (Liberal Düşünce Topluluğu, LDT)² является неправительственной организацией, созданной в

¹ Marmara Grubu Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı // Marmara Vakfı Grubu. – URL: <http://www.marmaragrubu.org> (date of access: 19.04.2024).

² Liberal Düşünce Topluluğu // LDT. – URL: <http://www.liberal.org.tr/> (date of access: 19.04.2024).

1992 г. LDT стремится способствовать либерализации Турции в экономической и политической областях через инициирование политических дебатов. Сооснователем и главой организации является Атила Яйла¹, занимающийся преподавательской деятельностью на факультете политологии и государственного управления частного Стамбульского университета «Медипол», принадлежащего Фонду Turkey Education Health and Research Foundation. Основателем фонда является Фахреттин Коджа – министр здравоохранения Турции, назначенный Эрдоганом².

3. Международный фонд технологических, экономических и социальных исследований (Uluslararası Teknolojik, Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı, UTESAV)³ был основан 14 ноября 1995 г. 54 промышленниками и бизнесменами Турции. UTESAV в первую очередь стремится познакомить промышленников и бизнесменов с технологическими инновациями, которые необходимы для завершения процесса индустриализации Турции, и сделать ее конкурентоспособной с другими развитыми странами в этой области. Вице-президентом фонда является Ахмет Доган Альперен, сделавший карьеру в рядах ПСР и неоднократно избиравшийся депутатом парламента в 2011 и 2015 гг. В 2013 г. он был избран членом Центрального совета и Исполнительного комитета ПСР. Альперен занимал должность заместителя председателя ПСР по финансовым и административным вопросам.

Другим не менее важным человеком АЦ UTESAV является Нуреттин Небати, известный как решительный сторонник поли-

¹ Он был профессором политики, политической экономии и политической философии в Университете Гази в Турции. После своего ухода из государственного сектора в 2009 г. Яйла стал заведующим кафедрой международных отношений факультета коммерческих наук Стамбульского коммерческого университета, пока не был уволен в 2015 г. В 2016 г. он был уволен со своей преподавательской должности в Университете Халич после того, как администрация университета была обвинена в коррупции и передана Стамбульскому университету Советом по высшему образованию (YÖK). Яйла проиграл дело против администрации университета Халич в 2019 г., и его обязали оплатить судебные издержки.

² Fahrettin Koca kimdir? // Sözcü. – URL: <https://www.sozcu.com.tr/2023/gundem/fahrettin-koca-kimdir-7703935/> (date of access: 20.04.2024).

³ Uluslararası Teknolojik, Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı // UTESAV. – URL: <https://www.utesav.org.tr> (date of access: 20.04.2024).

тики президента Реджепа Эрдогана в экономической и денежно-кредитной сферах.

4. Центр стратегических исследований *Sahipkiran* (Sahipkiran Stratejik Araştırmalar Merkezi, SASAM)¹ – независимый аналитический центр, основанный в 2012 г. в Анкаре и освещдающий крайне широкий круг проблем, затрагивающих практически все сферы жизнедеятельности государства: начиная от экономики, социальной сферы и прав человека и заканчивая освещением геополитических процессов в Турции и мире.

Глава АЦ Месут Эмре Каракосе проработал 10 лет экспертом в Главном управлении законов и решений канцелярии премьер-министра Турции, позже он был назначен советником заместителя премьер-министра. В 2016 г. он занял должность руководителя группы по координации борьбы с терроризмом в Главном управлении по вопросам безопасности канцелярии премьер-министра. Каракосе работал консультантом и экспертом в различных комиссиях и подразделениях и продолжает занимать государственные должности².

Сулейман Эрдем, ныне занимающий должность директора Отдела международной безопасности SASAM, с 2009 по 2011 г. работал в Государственном наблюдательном совете при Президенте Турции в качестве временного эксперта по аудиту.

Среди видных экспертов можно отметить Джесурхана Таша (помощника директора SASAM), работающего также в 21 YYTE.

Также не исключено, что имеются и другие аналитические центры (не считая государственных), которые поддерживают контакты с ПСР / ПНД. К ним могут относиться такие организации, как Институт внешней политики (DPE)³, Анкарский центр политики (APM) и другие.

¹ Sahipkiran Stratejik Araştırmalar Merkezi // SASAM. – URL: <http://www.sahipkiran.org> (date of access: 20.04.2024).

² Kadromuz // SASAM. – URL: <https://sahipkiran.org/uyelerimiz/> (date of access: 20.04.2024).

³ Dış Politika Enstitüsü // DPE. – URL: <http://www.foreignpolicy.org.tr> (date of access: 20.04.2024).

Заключение

Из 54 аналитических центров Турции было выявлено 25 организаций, которые так или иначе могли иметь контакты со структурами правящих партий как на межличностном неофициальном уровне (между представителями мозговых центров и госструктур, прежде всего в лице представителей ПСР и ПНД), так и на уровне формального взаимодействия между аналитическими центрами и различными органами власти.

Учитывая скрытость каких-либо контактов большинства турецких фабрик мысли с различными политическими силами, сложно однозначно утверждать, что в результате проделанной работы мы пришли к правильным выводам, и что их можно будет использовать в дальнейшем в качестве неких аргументов для опровержения либо подтверждения аффилированности данных аналитических центров.

В любом случае, дальнейшая работа в данном направлении позволит лучше понять природу турецких аналитических структур и их взаимоотношений с различными субъектами турецкой политики.

Список литературы

- Аватков В.А. Аналитические центры и научная политика Турции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 173–190. – DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09.
- Кудаяров К.А. Деятельность Фонда экономических и социальных исследований Турции SETA // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2023. – № 3. – С. 118–129. – DOI: 10.28995/2686-7648-2023-3-118-129.
- Babur M.M. Bir temsil alanı olarak Türkiye'de düşünce kuruluşları. Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. – 2021. – Vol. 23, No. 1. – P. 1–19. – Турец. яз. – DOI: 10.32709/akusosbil.833017.

References

- Avatkov V.A. (2022). Analytical centers and scientific policy of Turkey. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 2, pp. 173–190. (In Russ.) DOI: 10.31249/kgt/2022.02.09.

- Babur M.M. (2021). Bir temsil alanı olarak Türkiye'de düşünce kuruluşları. *Afyon Kocatepe Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, vol. 23, no. 1, pp. 1–19. (In Turk.) DOI: 10.32709/akusosbil.833017.
- Kudayarov K.A. (2023). Activities of the SETA Foundation for Economic and Social Research of Turkey. *Bulletin of the Russian State University. The series “Eurasian Studies. History. Political science. International relations”*, no. 3, pp. 118–129. (In Russ.) DOI: 10.28995/2686-7648-2023-3-118-129.

**ПОСТКОЛОНИАЛИЗМ
И
СОВРЕМЕННОСТЬ**

№ 1 (5) – 2024

Научный журнал

Оформление обложки *С.И. Евстигнеев*

Техническое редактирование и
компьютерная верстка *О.В. Егорова*
Корректор *Д.Г. Валикова*

Подписано к печати 25 / XI-2024 г. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 6,25 Уч.-изд. л. 5,0

Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)

Заказ №

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук**
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, 117418
<http://inion.ru>

Отдел печати и распространения изданий
Тел. : +7 (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано в типографии
АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект,
д. 42, корп. 5, к. 6